

ВЕСТНИК
государственного
университета
«Дубна»

#4 2021

В номере:

**Социальные практики и
тренды**

**Актуальные проблемы
развития личности**

Проба пера

Серия
«Науки
о человеке
и обществе»

Электронный
научный
журнал

Редколлегия

Багдасарьян Н.Г., доктор философских наук, профессор, научный руководитель кафедры социологии и гуманитарных наук – главный редактор

Боклагов Е.Н., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук – заместитель главного редактора

Кравченко А.Л., аспирант кафедры социологии и гуманитарных наук – редактор, ответственный секретарь

Члены Редколлегии:

Anna Stetsenko, PhD, Professor Ph.D. Programs in Psychology, The Graduate Center of The City University of New York

Братусь Б.С., доктор психологических наук, профессор, научный руководитель факультета психологии Российского православного университета кафедры

Венгер А.Л., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Государственного университета «Дубна»

Дулина Н.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий Волгоградского государственного университета

Плебанек О.В., доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕвАзЭС

Ениколопов С.Н., кандидат психологических наук, доцент, руководитель отдела медицинской психологии ФГБНУ "Научного центра психического здоровья"

Истомина О.Б., доктор философских наук, зав. кафедрой социально-экономических дисциплин Иркутского государственного университета

Мещеряков Б.Г., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, научный руководитель кафедры психологии Государственного университета «Дубна»

Субочева О.Н., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и культурологии МГТУ им. Н.Э. Баумана

Федотова В.Г., доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель научного направления «Социальная философия и развитие гражданского общества в России», сектор социальной философии ИФ РАН

Хозиев В.Б., доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой клинической психологии Государственного университета «Дубна»

Шимон И.Я., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

Юдина Т.Н., доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии социальной сферы РГСУ

Назаретян А.П., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

Выпускающие редакторы номера – **Н.Г. Багдасарьян**, доктор философских наук, профессор, научный руководитель кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

В.Б. Хозиев, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой клинической психологии государственного университета «Дубна»

А.Л. Кравченко, аспирант кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна».

Содержание

Социальные практики и тренды

- Бешева М.С.* Новые гендерные тренды в современном политическом процессе 3
- Герасимов П.Д., Платонова С.И.* Феминизм в философиях марксизма и постмодернизма: основные характеристики и особенности 15
- Журавлева Д.В.* Женская трудовая миграция в страны ЕС и Россию в контексте глобальных политических процессов XXI в. 24
- Сонина Л.А.* Тренды постбодрийеровского общества потребления 39

Актуальные проблемы развития личности

- Ивлиева Н.Ю.* Дофамин и шизофрения 49
- Долженко А.Н.* Феноменология отката у дошкольников (при спонтанном становлении деятельности) 68

Проба пера

- Ляскович А.В.* Траектория онтогенеза геймера 85
- Суровая О.А.* Управление интеллектуальной собственностью в условиях пандемии: коммуникативный аспект 96

УДК 316

М. С. Бешева

Новые гендерные тренды в современном политическом процессе

Аннотация:

В статье рассматривается роль гендерного фактора в современном политическом процессе. Актуальность темы обусловлена необходимостью изучения феномена гендерного неравенства в мире: гендерные стереотипы по-прежнему тормозят равноправие полов и влияют на политическую карьеру женщин. Рассматривается эволюция понятия «гендер», «гендерные стереотипы», «гендерная асимметрия». Анализируется нарастающий в настоящее время гендерный кризис, а также новые гендерные тренды, ведущие к изменению полоролевого поведения людей, включая их деятельность в политическом пространстве.

Ключевые слова: гендер, гендерные стереотипы, гендерная асимметрия, гендерная идентичность, гендерно-инклюзивная лексика.

Об авторе: Бешева Мария Сергеевна, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, магистрант кафедры информационного обеспечения внешней политики; эл. почта: m.besheva@yandex.ru

Научный руководитель: Багдасарьян Надежда Гегамовна, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор факультета мировой политики; эл. почта: ngbagda@mail.ru

Конструирование гендерной идентичности

В XXI в. перед мировым сообществом стоит задача достичь фактического равенства мужчин и женщин во всех сферах общественной жизни и деятельности. Их равноправное участие в политической и экономической жизни – необходимое условие прогресса. Паритетное представительство женщин – дело справедливости и равенства.

Политика остается сферой, где сохраняются гендерные стереотипы, которые давят на женщин, желающих стать политиками высшего порядка. Как форма власти политика

сохранила свою маскулинную сущность, и женщины по-прежнему во многих странах остаются на ее обочине. Один из устойчивых социальных стереотипов – то, что женщина не пригодна для большой политики.

Однако постепенно приходит осознание того, что политика – слишком серьезное дело, чтобы доверять его только мужчинам, что женское вмешательство в политическую сферу сможет ограничить власть политики с позиции силы, что «женские проблемы» на самом деле – проблемы общечеловеческие. Своеобразным символом времени становится укрепление женских позиций во власти. Присутствие женщин в политической сфере – признак современного гуманистического общества. Обязательное соблюдение гендерного равенства в политике и в структурах власти мировое сообщество считает одним из важных признаков демократии и необходимым условием прогресса [16, с. 240-249].

Гендерный подход возник в науке в 70-х гг. XX в., а в последние десятилетия понятие «гендер» стало объектом множества научных исследований. Можно сказать, что гендерная проблема – составная часть современного процесса глобализации. Люди, рождаясь с признаками какого-либо биологического пола, мужчинами или женщинами, учатся вести себя в соответствии с существующими моделями поведения (гендерными нормами). Эта совокупность социальных и культурных норм, которую общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола, собственно, и называется гендером.

Напомним, что понятия «пол» и «гендер» не синонимичны. Пол – анатомическое явление, а гендер – общественно-культурная конструкция, включающая в себя социальный статус, общественно-психические свойства человека, связанные с полом и сексуальностью. Гендерные особенности проявляются только при взаимодействии людей друг с другом. Свое распространение термин гендер получил под влиянием феминистских движений, когда женщины начали выдвигать требования предоставления себе избирательных прав. В настоящее время гендерная проблематика носит междисциплинарный характер и является одной из наиболее популярных тем в социологии, политологии, философии, психологии, педагогике, лингвистике.

Полагают, что впервые термин «гендер» упомянул психолог Р. Столлер в 1968 г. с целью разграничения женских и мужских поведенческих признаков [21, с. 15]. Развивая этот подход, Р. Коннелл определил «гендер» следующим образом: «Гендер – это организованная вокруг репродуктивной сферы структура социальных отношений, а также обусловливаемый ею набор практик, которые помещают репродуктивные различия между

телями в социальные процессы» [15, с. 10]. Термин «гендер», таким образом, вбирает в себя все аспекты биологической, социальной и культурной жизни индивидов, которые неразрывно связаны между собой, взаимодействуют и влияют друг на друга.

В России изучением гендера как новой развивающейся социальной категории и различными подходами к определению гендера занимались такие ученые, как Г. Г. Силласте, О. А. Воронина, Е. А. Здравомыслова, В. А. Темкина, С. Л. Рыков. Так, под авторством Силласте опубликована объемная монография «Гендерная социология и российская реальность», представляющая собой онтологию российской реальности в гендерном измерении [12]. В монографии Ворониной «Гендерная культура в России: традиции и новации» представлены разработанные ею методы гендерных исследований, проведен комплексный анализ проблемы гендерного равенства и определены основные направления преодоления гендерного неравенства [4, с. 63-80].

Постепенно гендерные исследования получили более широкое распространение, глобальная точка зрения на гендерную природу изменилась от биологической к социальной. Возникновение и развитие социального направления обусловлено тем, что гендер – важная составляющая социального порядка. Гендерный дискурс участвует в создании картины мира и влияет на социальные отношения между различными социальными группами. Необходимо отметить, что в научных дискурсах чаще употребляются производные от термина «гендер», например, «гендерные стереотипы», «гендерная асимметрия», «гендерные аспекты», «гендерные исследования».

Впервые в научный оборот термин «стереотип» ввел американский социолог У. Липпман. Еще в 1922 г. он попытался определить место и значение стереотипов в системе общественного мнения. Под стереотипом он понимал «специфическую модель восприятия окружающего мира, которая способна оказывать конкретное влияние на данные наших чувств, прежде чем эти данные будут донесены до нашего сознания» [7, с. 95]. Липпман утверждал, что стереотипы принято передавать из поколения в поколение, и впоследствии они сформируют схематизированное представление о действительности, которое разделит мир на две категории: знакомое как хорошее, а незнакомое как аналог плохого.

Гендерные стереотипы – это устойчивые, схематизированные, обобщенные образы маскулинности и фемининности, имеющие национально-оценочный характер [19, с. 292]. Они упрощают реальность, описывая мир в простых понятиях, они устойчивы и стабильны, имеют нормативный (предписывающий) характер. Термин «гендер»

подчеркивает не природную, а социокультурную причину межполовых различий. Крепкое и уверенное положение мужчины, и более низкое и слабое положение женщины в обществе оправдываются как раз гендерными стереотипами, которые являются причиной неравномерного распределения как экономических, так и статусно-ролевых ресурсов.

Гендер формирует отношение между мужчиной и женщиной как отношение неравенства, в рамках которого мужчины обладают более высоким статусом, что влечет за собой большие возможности для обладания социальными ресурсами. Гендерные стереотипы конструируются в рамках определенной культуры. Если в ней происходит ряд изменений, то и стереотипы корректируются, но некоторые устоявшиеся стереотипы могут продолжать оказывать влияние на мировосприятие [6, с. 186-197]. Для женщин путь к высотам политической карьеры связан с преодолением многочисленных препятствий, а для мужчин – с реализацией многочисленных возможностей. Женщинам мешает естественная биологическая роль, связанная с необходимостью совмещения служебных, родительских и супружеских функций и поэтому женщинам, которым удастся сделать карьеру часто остаются одиночками.

Формирование таких схематизированных представлений о социальных ролях мужчин и женщин имеют различные основания в интерпретациях разных ученых. Так, Т. Адорно делает упор на индивидуальных особенностях личности. Явление авторитарной личности не только имеет социальные корни, но и подчиняется определенным психологическим закономерностям. Существует зависимость между типом воспитания в семье и проявлением авторитарности. Стереотипизация определяется индивидуальными причинами и выступает следствием социализации в данной семье, степенью контроля над индивидом [1, с. 108].

В разработанной теории авторитарной личности Адорно опирается на опыт раннего детства в качестве движущей силы развития общества. Предполагается, что маленькие дети усваивают ценности своих родителей бессознательно, в результате травматических конфликтов. Становление авторитарной личности зависит от таких факторов социализации, как «авторитарность» родителей, отсутствие жестко регламентированных отношений в семье, теплоты между родителями и детьми [1, с. 109].

Авторитарная личность характеризуется особым набором психологических характеристик, среди которых: стремление подавлять других, нетерпимость, этноцентризм (представление о превосходстве своей нации). Такой человек подавляет слабых, боится тех, кто сильнее его. Эти типы личности предрасположены к

антидемократическим политическим убеждениям. Авторитарный мужчина выбирает жизненный путь в соответствии с полоролевыми стереотипами, отдавая предпочтение строго мужским профессиям. В их семьях закрепляется стиль воспитания, основанный на наказаниях. В настоящее время психологии авторитаризма посвящено немало исследований, важнейшим выводом из которых является тот, что истоки происхождения авторитаризма следует искать в раннем семейном опыте, структуре семейной власти [13, с. 37-38].

Других взглядов на стереотипизацию как на результат воздействия культуры придерживаются Д. Кац и П. Брейли. Они предложили методику «приписывания качеств», которая использовалась для изучения стереотипов в различных этнических группах [18, с. 280-290]. Многообразие гендерных ролей в разных культурах и разных эпохах свидетельствует в пользу того, что наши гендерные роли действительно формируются культурой.

А. Харрис предложила теорию «мягко собранного гендера», согласно которой гендер не подвержен строгой детерминации биологическими и (или) культурными параметрами: «В рассмотрении такого сложного феномена, как гендер в качестве мягко собранной системы, мы берем значения гендера из любых индивидуальных и семейных систем вместе с его функциями и формами внутри специальных задач в специфическом окружении. Несомненно, гендер может включать в себя особенности поведения, свойства которых являются сознательными и бессознательными, проистекают из социального взаимодействия» [17, с. 232].

Становление гендерной идентичности начинается в раннем возрасте. Каждому индивиду, в зависимости от пола, предлагается свой набор значимых символов для мальчиков и девочек (в игрушках, одежде, играх), которые формируют соответствующие реакции и стереотипные представления о социальных ролях мужчин и женщин в обществе [10, с. 305-310]. Складываются отношения, в рамках которых мужчины обладают более высоким статусом, что влечет за собой большие возможности для обладания социальными ресурсами. В ситуации культурных изменений гендерные стереотипы корректируются, но те из них, что обладают высокой степенью устойчивости (а гендерные именно таковы), могут продолжать оказывать влияние на мировосприятие.

Трудности их преодоления в том, что гендерные стереотипы не просто бытуют в социальной среде, но перманентно транслируются социальными институтами – такими

как государство, учебные заведения, семья, церковь и религия, а также средствами массовой информации.

Гендерные стереотипы активно используются рекламой, ведь такое деление позволяет точно сфокусироваться на «целевой аудитории». Реклама нередко информирует не только о товарах и услугах, но и о взаимоотношениях в обществе, а также о межличностных отношениях мужчин и женщин. Поддержание гендерной морали, знания о свойствах мужской и женской природы закрепляют за мужчиной роль бизнесмена и защитника, за женщиной же – роль матери и домохозяйки. Подавляющее большинство людей верят в эксплуатируемые рекламой гендерные стереотипы, благодаря чему посредством рекламы общество может контролировать и предопределять социальный портрет себя и отдельного индивида. Вместе с тем изменения гендерных стереотипов идут гораздо медленнее изменений в пространстве социальной реальности [3, с. 145-149].

Одним из устойчивых стереотипов является представление о непригодности женщин для большой политики. Распространено мнение, что женщины не способны принимать политические решения, поскольку их основные свойства обусловлены биологическими и культурными предназначениями. Место женщин – в социальных комитетах и комиссиях, связанных, по преимуществу, со здравоохранением, образованием, социальным обеспечением. У них мало опыта в вопросах инвестиций, бюджетной и налоговой политики, национальной безопасности, капитального строительства, реформы армии и т.д. Таким образом, наиболее распространен стереотип, согласно которому женщина – хранительница семейного очага, а уже потом политик.

Понятие «гендерная асимметрия» означает непропорциональную представленность женщин и мужчин в различных сферах жизни. В политике она характеризуется неравенством политических позиций и статусов мужчин и женщин в различных политических органах, в сфере принятия политических решений, в ограниченных возможностях продвижения женщин на высокие политические посты, что обусловлено традициями неравной оценки деятельности политика-мужчины и политика-женщины [9, с. 70-75]. Источник гендерной асимметрии – скрытая дискриминация и патриархальные установки, господствующие в общественном сознании. Низкое представительство женщин во власти объясняется их «естественным предназначением» и «нежеланием идти в политику» [5, с. 298-300].

Гендерная асимметрия в политической сфере поддерживается существующими гендерными стереотипами о корреляции власти с маскулинностью, а подчинения – с

феминностью. Этот стереотип не только ограничивает доступ женщин во власть, но и определяет дискурсивные стратегии в политической сфере. Так, сомнение в маскулинности политических соперников и их феминизация – эффективный метод их дискредитации. Напротив, доказательство маскулинности своего лидера и своей партии служит обоснованием правомерности претензий на власть.

Представительство женщин, их участие и право голоса в политических процессах, а также достижение гендерно-справедливых результатов до сих пор остаются затрудненными. Однако в последние десятилетия представительство женщин в политике все же растет. Профессиональная самореализация для современных женщин все больше становится такой же важной опорой как семья и присутствие в публичной жизни. Парламентский опыт различных стран говорит о том, что если во власти находится 20-30% женщин, то такие важные общенациональные программы, как образование, здравоохранение, защита детей, молодежная политика реализуются гораздо успешнее. Еще в 1990 г. Комиссия ООН призвала увеличить количество женщин в национальных парламентах до 30%.

С помощью гендерного квотирования во многих государствах удалось добиться значительного увеличения числа женщин в органах государственной власти. Гендерные квоты выступают средством обретения равных возможностей для мужчин и женщин. Существенно увеличивая политическое представительство женщин, они не допускают изоляции женщин от политической жизни и привлекают их на уровень принятия политических решений, следствием чего по всему миру растет число женщин на руководящих должностях [8, с. 66-68].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что система квот оправдала себя как один из эффективных инструментов достижения гендерного равенства в перераспределении власти. Гендерные квоты существенно увеличили политическое представительство женщин, привлекли их на уровень принятия политических решений, не допустили их изоляции от политической жизни. Квотирование обеспечило создание «критической массы» женщин-политиков, способных оказывать существенное влияние на политические процессы и политическую культуру в целом.

Присутствие и влияние женщин в публичной жизни становится все более заметным. Это в определенной степени меняет жизненные ориентиры для мужчин, поскольку роль политической культуры оказывается не в том, чтобы разделять гендерные

стереотипы, а в том, чтобы внедрять принципы равных прав и возможностей мужчин и женщин в общественно-политическую жизнь.

Гендерной идентичности в будущем нет места

В последние десятилетия в развитых странах нарастает гендерный кризис, несущий негативные последствия. Канонические идеи феминизма, такие притягательные в XX в., потеряли свою актуальность и стали претерпевать изменения. Длительная борьба за равноправие полов постепенно трансформируется в проект переустройства общественного сознания, когда гендерная принадлежность не разделяет людей. Мы наблюдаем стремительную девальвацию традиционных гендерных ценностей, изменение полоролевого поведения людей. Гендерная инклюзивность – главный тренд последних лет. Возникает понятие «гендерной нейтральности», подразумевающее отсутствие преимуществ у того или иного гендера в вопросах распределения и выполнения социальных ролей.

Однако тенденции развития гендерной культуры ведут не к ожидаемому гендерному равенству, а к полоролевому нигилизму. К какому полу причислить биологического мужчину, который считает себя женщиной, и наоборот? Предлагается выбрать свою сексуальную и гендерную идентичность из десятков вариантов половой самоидентификации. Основные при этом три: цисгендер – гендерное соответствие полу; трансгендер – пол один, гендер другой; бигендер – пол один, гендера два. Этот последний вариант, предполагается, сможет обеспечить его носителю широту мировоззрения и яркость жизненных ощущений, недостижимых для мужчины и женщины по отдельности. Гендерные границы размываются и общество отказывается от самого понятия пола. Глобальные процессы оказывают негативное влияние на жизнь общества в целом, как на национальном, так и на личностном уровнях.

В странах Западной Европы и США размывание гендерных границ осуществляется через половую унификацию, которая на, первый взгляд, звучит так же прогрессивно, как гендерно-нейтральная унификация. Так, в Британии для достижения настоящего гендерного равенства предлагается избавиться и от дискриминации в языке, например, от названий профессий, обращений, местоимений, где явно присутствует гендер – такие слова заменяются неологизмами или синонимами [11, с. 75-85]. Сложившиеся вежливые обращения «Mr», «Mrs», «Miss» заменяются нейтрально-уважительным «Mx», использующееся вне зависимости от пола. В 2015 г. это обращение было включено в Оксфордский словарь и уже используется в документах и официальных речах.

В Британских школах детей с семи лет учат отказываться от слов «девочка» и «мальчик», поскольку они дискриминируют учеников-трансгендеров. Детей поощряют переосмысливать свой пол, не предупреждая при этом о последствиях. Психологи говорят об опасном влиянии ряда лоббистских групп. Школьникам объясняют: чтобы стать счастливыми – надо стать трансгендерами, и сотни молодых людей объявляют себя таковыми, как правило, чтобы просто привлечь внимание сверстников. В раннем возрасте они проходят через хирургические операции и гормонотерапию, а потом жалеют об этом и обращаются к психиатрам. Их число увеличивается из года в год. В некоторых британских родильных отделениях вводят гендерно-нейтральную лексику, называя «грудное молоко» – «человеческим», в то время как понятия «материнство» и «мать» исключаются и заменяются на «родительство» и «родитель». Эту лексику применяют и во всех официальных документах.

В США также идет системная перекодировка сознания в пользу ЛГБТ-сообществ и отрицание любых нормальных отношений. Людям внушается, что человеческий пол – это не биологическое понятие, а социальная роль. Природа – вторична, человек решает сам: быть мужчиной или женщиной. Силы, стоящие за продвижением таких людей, доминируют в политике, образовательной и судебной системах, развлекательной индустрии. Если человек выскажет «неправильные» мысли в неправильное время, он может потерять работу, друзей, репутацию [14, с. 297-299]. Закон «О недискриминации» в США, проходящий стадию принятия, определяет трансвеститов, трансгендеров и представителей других видов идентичности, как представителей меньшинств, которым дается преимущество при приеме на работу [2, с. 57].

Трансформация сознания идет с самого верха. Сразу после избрания Дж. Байдена президентом в Конгрессе США демократами были вывешены флаги ЛГБТ-сообщества. Одним из первых документов, подписанных президентом, стала отмена запрета на службу в армии трансгендеров и указ о борьбе с дискриминацией на основе гендерной идентичности и сексуальной ориентации. Спикер Палаты представителей США Н. Пелоси выступила с предложением об исключении из американских законопроектов слов, обозначающих половую принадлежность в пользу гендерно-нейтральных формулировок. Из лексикона законодателей будут навсегда исключены слова «отец», «мать», «сын», «дочь», «брат», «сестра», «дедушка», «бабушка», «теща», «тесть» и любые другие семейные термины. Их место займут «родитель», «родственник от одного родителя», «родители ребенка», «родитель супруга». Местоимения «он» и «она» заменяются в

Конгрессе на «представитель» и «делегат». Это происходит потому, что в различных американских структурах власти и компаниях часто стали избираться трансгендеры и небинарные кандидаты.

Каждый шестой американец относит себя к ЛГБТ-сообществу. В стране наблюдается также увеличение числа операций по смене пола. Рынок операций возрос на 20% и расширяется каждый год. Операции по смене пола стоят тысячи долларов, но реального изменения пола не происходит, изменяются только внешний вид, вторичные половые признаки, такие люди по-прежнему не могут родить. Нередко дети начинают гендерную терапию без согласия родителей. Вместе с тем проблемы социального неравенства прикрываются пиаровскими лозунгами о гендерной нейтральности [20, с. 110-117].

Во всем мире к гендерным вопросам относятся лояльнее с каждым днем. С 2015 г. гомосексуальные браки были полностью легализованы в США и большинстве стран Евросоюза. Гомосексуалы и трансгендеры стали нормативной частью массовой, повседневной культуры. Нарастает девальвация традиционных ценностей. Тенденции развития гендерной культуры неуклонно ведут к полоролевому нигилизму, взамен долгожданного полового равенства. Утрата устойчивых ориентиров, постоянное видоизменение культурных образцов, отсутствие возможности формирования гармоничной личности, которая смогла бы прожить достойную жизнь, а не следовать как флюгер за новомодными тенденциями, все это – неизбежные последствия плюрализма [2, с. 60].

Таким образом, введение гендерных технологий приводит к утрате ценностных ориентиров, размыванию идентичности, формированию сомнительных трендов современной масс-культуры. Дети в США и в странах Западной Европы точно будут воспитаны по-другому и едва ли незавершенные их родителями задачи по достижению гендерного равенства останутся для них такими же востребованными. Сегодня остро назревает необходимость актуализации положительного маскулинного и феминного социального опыта, который был накоплен предыдущими поколениями людей.

Библиографический список:

1. Адорно Т. Исследование авторитарной личности / Под. ред. В. П. Култыгина. М.: Серебряные нити, 2001. 416 с.
2. Армен А. С. Деконструкция гендерной идентичности и ее отражение в культурном пространстве постмодернистского общества // Культура и цивилизация. 2019. №1 (9). С. 55-60.
3. Бученкова Э. О. Влияние гендерных стереотипов на восприятие рекламы // Наука. Общество. Государство. 2019. №3 (27). С. 144-149.
4. Воронина О. А. Гендерная культура в России: традиции и новации. М.: ИФ РАН, 2018. 117 с.
5. Гаврилина К. С. Проблема гендерной асимметрии во власти // Социально-гуманитарные знания. 2012. №1. С. 297-302.
6. Здравомыслова Е. А. Социальное конструирование гендера / Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина // Социологический журнал. 1998. №3-4. С. 186-197.
7. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
8. Новикова Е. А. Методы увеличения женского представительства в политическом процессе // Власть. 2012. №12. С. 66-68.
9. Овчарова О. Г. Гендерная асимметрия политики: изменение мировой конфигурации // Южно-российский журнал социальных наук. 2016. №3. С. 70-81.
10. Перегудина В. А. Особенности возрастного становления гендерной идентичности // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2010. №2. С. 305-310.
11. Себрюк А. Н. Об учете андроцентризма и гендерной асимметрии в обучении современному английскому языку // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2017. №1. С. 75-85.
12. Силласте Г. Г. Гендерная социология и российская реальность. М., 2016. 640 с.
13. Шестопап Е. Б. Личность и политика. М.: Мысль, 1988. 203 с.
14. Югина Е. С. Роль ЛГБТ-движения в современном обществе и влияние его деятельности на демографическую ситуацию в мире / Е. С. Югина, В. С. Атаманенко // Скиф. 2019. №6 (34). С. 297-302.
15. Connell R. Gender. Cambridge: Polity Press, 2002. 173 p.
16. Enloe C. Bananas, beaches and bases: making feminist sense of international politics. Berkeley: University of California Press, 1989. 268 p.

17. Harris A. Gender as a soft assembly // *Studies in Gender and Sexuality*. 2000. №1. Pp. 223-251.
18. Katz D. Rasial stereotypes of one hundred college students / D. Katz, K. Braly // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1933. №28. Pp. 280-290.
19. Rentzetti C. Women, men and society / C. Rentzetti, D. Curran. Boston: Allyn and Bacon, 1999. Pp. 290-292.
20. Robbins M. Nature, nurture, and core gender identity // *Journal of the American Association*. 1996. №44. Pp. 93-117.
21. Stoller R. Sex and gender: on the development of masculinity and femininity. New York: Science House, 1968. 383 p.

Besheva M. S. New gender trends in the modern political process

The article examines the role of the gender factor in the modern political process. The relevance of the topic is due to the need to study the phenomenon of gender inequality in the world: gender stereotypes continue to hinder gender equality and affect women's political careers. The evolution of the concept of «gender», «gender stereotypes», «gender asymmetry» is considered. The article analyzes the currently growing gender crisis and new gender trends leading to changes in gender-role behavior of people, including in politics.

Keywords: gender, gender stereotypes, gender asymmetry, gender identity, gender-inclusive vocabulary

УДК 316.34:1

П. Д. Герасимов, С. И. Платонова

**Феминизм в философиях марксизма и постмодернизма: основные
характеристики и особенности**

Анализируется история возникновения, основные характеристики и направления феминизма. Сравниваются марксистский феминизм и постмодернистский феминизм. Марксизм утверждает, что причиной дискриминации женщины являются наличие классов, частной собственности, разделение труда. Марксистский феминизм не объясняет феномен сохранения экономического и политического неравенства женщины в современном постиндустриальном глобализирующемся обществе. Постмодернистский феминизм более глубоко анализирует причины дискриминации женщин. К числу основных причин дискриминации постмодернистский феминизм относит систему бинарных оппозиций в западной культуре, гендерное неравенство, основанное на социальной оценке пола и социальной иерархии между мужчинами и женщинами.

Ключевые слова: гендер, марксизм, постмодернизм, феминизм, философия

Об авторах: Герасимов Павел Дмитриевич, Ижевская государственная сельскохозяйственная академия, студент 2 курса лесохозяйственного факультета; эл. почта: restfoolacc@gmail.com

Платонова Светлана Ипатовна, Ижевская государственная сельскохозяйственная академия, доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук; эл. почта: platon-s@bk.ru

Современное общество характеризуется процессами глобализации, кризисом идентичности, расширением социальной коммуникации, использованием цифровых технологий. Однако, несмотря на радикальные изменения в экономической, политической, социальной и культурной сферах, современное общество продолжает оставаться во многом патриархальным и маскулинным. Актуальным в этой связи выступает анализ идей феминизма и выявление причин сохраняющейся дискриминации женщин.

Целью данной статьи является, во-первых, исследование истории возникновения и основных направлений феминизма; во-вторых, сравнение таких философских феминистских направлений, как марксистский феминизм и постмодернистский феминизм. Понятие «феминизм» употребляется, по крайней мере, в двух значениях: это широкое общественное движение женщин за свои права; это «комплекс социально-философских, социологических, психологических, культурологических теорий, анализирующих положение женщины в обществе» [11, с. 488].

Феминизм – это признание того, что на протяжении истории к людям относились по-разному в зависимости от их биологического пола, а также от преобладающего понимания гендерных норм. Как показали исследования этнографов, историков, социологов, «в традиционном обществе система разделения труда между мужчинами и женщинами организована иерархически – и в зависимости от этого распределяется власть и общественное признание» [5, с. 8]. На основании этих факторов общество постулировало неравный социальный статус мужчины и женщины, предоставляло неравную степень власти мужчинам и женщинам. Женщине отводилась роль «второго плана», связанная исключительно с деторождением и домашним хозяйством.

Первые феминистские движения появляются в Западной Европе, США, России в XIX в. Женщины борются за равные юридические права, равные избирательные права. 16 июля 1848 г. в Сенека Фоллз в США состоялась первая конференция, обсудившая равноправие женщин. На этой конференции была принята конвенция, утверждавшая, что женщины и мужчины равны перед лицом Бога и, следовательно, имеют равные права на получение образования, владение имуществом, получение развода, воспитание детей, защиту от насилия со стороны их мужей и, наконец, право голоса.

Выделяют несколько волн в движении феминизма:

- конец XIX - начало XX в., когда женщины борются за равные избирательные права; большую роль на этом этапе сыграло движение суфражизма;
- конец 60-х гг. XX в., когда движение становится массовым; его особенностью является требование женщин иметь не только равные юридические права, но и иметь фактическое равенство с мужчинами;
- конец XX в., когда распространяются гендерные исследования и появляется гендерная наука.

Причины дискриминации женщин исследовали такие философы, как Д. Дидро, К. Маркс, А. Бебель, Ф. Энгельс, К. Миллет и др. Большую роль в изучении положения

женщины сыграли этнографические и антропологические исследования, изучавшие особенности быта, экономических и семейно-брачных отношений у разных народов и племен. Можно отметить работы таких антропологов, как М. Мид, Б. Малиновский, К. Леви-Стросс. Многие мыслители обвиняли западную рациональную культуру в принижении статуса женщины и утверждении, что подлинные человеческие качества принадлежат исключительно мужчине. Одной из первых на эти особенности западной патриархальной культуры указала С. де Бовуар в работе «Второй пол» (1950). С ее точки зрения, западная культура патриархальна: она утверждает превосходство мужчин и «вторичность» женщин. Затем «на основе биологических различий мужчины и женщины задаются жесткие границы гендерных ролей» [10, с. 489]. Взгляды на пол и гендер усиливали неравенство зарплат, дискриминирующее положение на работе или в школе, неравный доступ к ресурсам и политической власти. Например, итальянский психолог Ч. Ломброзо, немецкий философ А. Шопенгауэр рассматривали женщину только как «половое» существо и утверждали неравноправие полов.

В феминизме выделяют самые разнообразные теоретические направления, которые можно классифицировать по разным основаниям. Одной из самых известных классификаций является выделение следующих форм феминизма:

- радикальный феминизм, предлагающий новый общественный порядок с обособленным существованием женщин;
- либеральный феминизм, выступающий за достижение формулы «различные, но равные»;
- марксистский (социалистический) феминизм.

Ряд авторов добавляет такие формы, как психоаналитический, экологический, амазон-феминизм, неофеминизм [6]. Для психоаналитического феминизма характерна установка на преобразование сознания самих женщин, закрепощение которых видится в подсознательных программах, «разработанных» мужчинами. Сторонники экологического феминизма усматривают прямую связь между возникновением экологических проблем и дискриминацией женщин. Представители неофеминизма настаивают на отказе женщин от материнства и полного стирания всех социальных различий между мужчинами и женщинами. Амазон-феминизм героизирует образ женщины и выступает за физическое равенство мужчин и женщин [6, с. 146].

Мы полагаем, что к выделенным теоретическим формам феминизма можно добавить постмодернистский феминизм, возникший во второй половине XX в. и

связавший феминизм с проблемами гендера. Впервые пол и гендер были объединены в одну поло/гендерную систему в работах Г. Рубин [12]. Гендер – это культурное понятие, это некий символ и метафора. Как отмечает О. А. Воронина, «гендерная система фактически является иерархической структурой, основанной на приписывании биологическим отличиям символического значения. Целью этой системы является концентрация материального и символического капитала в руках мужчин» [5, с. 9].

Сравним обоснование феминизма в философии марксизма и философии постмодернизма. Почему были выбраны для анализа именно эти направления феминистской мысли? Дело в том, что марксизм был представлен не только теоретическими взглядами, но и практическими действиями по освобождению женщины. В частности, в СССР после прихода к власти большевиков в октябре 1917 г. был принят ряд декретов и законов о женском вопросе. Однако практические меры большевиков не всегда способствовали экономическому и социальному освобождению женщины. Философия постмодернизма, будучи влиятельным современным философским направлением, включает не только общефилософские вопросы, но и социально-философскую проблематику, связанную с пониманием современного общества, взаимоотношений культуры и человека, включая отношения полов. Поэтому представляется весьма интересным провести сравнительный анализ этих философских направлений в области идей феминизма.

Основоположниками марксистского феминизма являются К. Маркс, Ф. Энгельс, А. Бебель. Марксизм связывает гендерные отношения с классовыми отношениями, частной собственностью, следовательно, причины неравного положения женщины видит в существовании классов. Ф. Энгельс объясняет угнетенное положение женщины появлением института семьи, в которой мужчины легко контролировали поведение женщин. В работе «Женщина и социализм» (1879) Бебель показывает процессы закрепощения женщины, связанные со сменой матриархата патриархатом и изменением общественных отношений, созданных частной собственностью на средства производства. Бебель говорит о «тяжелом положении женщины-пролетария, которое характеризуется двойным рабством, двойной буржуазной моралью, видимостью буржуазного равенства [2, с. 115]. Немецкий социал-демократ утверждает, что только в социалистическом обществе женщина получит настоящее освобождение и займет равное положение в сравнении с мужчинами.

В России идеи феминизма развивали А. М. Коллонтай, В. И. Ленин, Н. К. Крупская. Надо отметить, что в работах этих авторов предлагается не только теоретическое обоснование феминизма, но и целый ряд практических действий, направленных на экономическое, социальное и психологическое освобождение женщин. Например, А. М. Коллонтай выступала за совмещение женского труда и материнства, но при изменении ряда условий. К таким условиям она относил государственное обеспечение материнства, государственное страхование, создание яслей и детских садов. В первые годы Советской власти был принят целый ряд законов, регулирующих семейно-брачные отношения, в формулировании которых принимала непосредственное участие А. М. Коллонтай. В частности, в принятом законе о браке и семье утверждалось, что «только гражданская регистрация брака может признаваться законной. При этом церковные церемонии не были запрещены, но лишались права легализации брачных состояний. Закон уравнивал права обоих супругов относительно семейной и личной собственности, в экономическом поведении, а также уравнивал права детей, рожденных как в браке, так и вне брака» [2, с. 123]. Тем не менее, несмотря на проделанную теоретическую и практическую работу идеологами марксистского феминизма в XIX и XX вв., в начале XXI в. дискриминация женщин сохраняется.

В современном постиндустриальном обществе социально-классовая структура рассматривается более широко, с точки зрения существования социальных страт и социальных слоев. Причинами социальной стратификации являются не только частная собственность на средства производства (экономический критерий, как утверждалось в марксизме), но и властные отношения, уровень образования, престиж профессии. Исходя из логики марксистского феминизма, дискриминация женщины в постиндустриальном обществе должна отсутствовать, ведь марксисты связывали дискриминацию именно с существованием классов и капиталистической собственности. Однако в современном обществе мы наблюдаем разнообразные формы экономической и политической дискриминации женщин. «В частности, нарушается принцип равной оплаты за равный труд мужчин и женщин, осуществляется предпочтение в некоторых сферах занятости мужского труда, труда незамужних женщин и др.» [2, с. 116]. К формам дискриминации можно отнести сексизм, харассмент, сложность карьерного роста и др. Следовательно, корни угнетенного положения женщины коренятся не только в способе производства, не только в экономике, но и в целом комплексе причин, связанных с культурой,

ценностными ориентациями, нормами, поведенческими практиками индивидов, имеющими длительную историю.

Более глубокое объяснение дискриминации женщин предлагают современные философы, в частности, представители постмодернизма М. Фуко, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, Ж. Делез, Ф. Гваттари, Ю. Кристева. Большую роль в исследовании истории сексуальности и сексуальных отношений сыграл М. Фуко [9, 10]. В «Истории сексуальности» Фуко исследует историю сексуальных отношений в Древней Греции, Римской империи, средневековом обществе, обществах XVII-XIX вв. При этом Фуко связывает регулирование сексуальных отношений с типом и формой власти. «М. Фуко устанавливает связь власти, насилия, знания и сексуальности. Сексуальность определяется им не как биологическое проявление, а как социальный конструкт, связанный с изменением социальных конструкций власти... Он интерпретирует тело как поверхность, на которую «записываются» социальные нормы посредством политических механизмов принуждения, медицинских практики и практик сексуальности» [5, с. 9]. З. А. Сокулер, анализируя взгляды Фуко, отмечает: «Результатом функционирования многообразных форм осуществления власти над сексом оказывается сложная игра власти и наслаждения, их взаимоотталкивания и взаимопритяжения» [8, с. 128].

Дж. Р. Серль выделяет следующие особенности постмодернистской философии:

- критика бинарных оппозиций (речь/письмо, мужское/женское, обозначаемое/знак, действительность/кажимость);
- критика логоцентризма (то есть рациональности, логики, нацеленной на поиск истины);
- отказ от поиска метафизических оснований (так как таких оснований в виде морали или знания не существует);
- понимание действительности как текста [7, с. 221].

Постмодернисты предлагают отказаться от четких половых различий (мужское/женское), традиционных для патриархального общества, и выдвигают теорию социального конструирования гендера. «Гендер конструируется через институты социализации, разделения труда, семьи, массмедиа. ... Гендерная принадлежность индивида – это то, что человек сам создает и воспроизводит постоянно в процессе взаимодействия с другими людьми» [5, с. 10].

Выдающийся представитель постмодернизма французский философ Ж. Бодрийяр, рассматривая схему развития общества, выделяет в нем три стадии: первобытное

общество, стадию политической экономии, «нынешнюю» стадию, основным принципом которой выступает универсальное распространение симулякров. На стадии политической экономии «структура мужского/женского совпадает с привилегированным положением ... репродуктивной или эротической функции. Это преимущество ... отражается в структуре социального строя, с его преобладанием мужского начала. ... Образуется политическая экономия тела» [3, с. 219-220].

Бодрийяр критически относится к марксистской теории феминизма. Французский философ пишет, что современное общество не имеет ничего общего с тем, которое должно было быть создано в результате революции и отрицания пролетариата как такового. «Маркс просто не предвидел, что перед лицом неминуемой угрозы капитал может в какой-то мере трансполитизироваться и выйти за пределы производственных отношений и политических антагонизмов» [4, с. 18]. Современное общество характеризуется неопределенностью, рассеиванием и запутанностью ценностей. «В культуре начинают господствовать «ценности» знака, потребление которых обеспечивает статус и власть. Имидж и реальность совпадают, знак не имеет референта во внешней объективной реальности, знаки сами становятся реальностью. Теряется идентичность, ощущение собственного «Я» [7, с. 229].

Современное общество не решило проблемы эмансипации женщины, хотя, с точки зрения Маркса, устранение классов явилось бы катализатором такого процесса и неминуемо привело бы к освобождению женщины. Следовательно, эмансипация женщины не связана с устранением капитализма и классовых различий. Бодрийяр утверждает, что сексуальное освобождение не было реализовано в обществе XX в., и мы находимся на пути, ведущем к транссексуальности [4, с. 13, 20]. К транссексуалам он относит Мадонну, Чичиолину, М. Джексона.

Философия постмодернизма подчеркивает текучесть, неопределенность, размытость жизненных стратегий, плюрализм идентичностей в современном обществе. Постмодернизм говорит о том, что «личностная идентичность не просто меняется в процессе жизни и эволюции человека, но имеет место принципиальная множественность идентичности, проявляющаяся в многообразных духовных и социальных практиках» [1, с. 32]. В этом тезисе мы видим сближение идей феминизма с идеями гендерных исследований, которые анализируют не биологические различия между мужчинами и женщинами, а социальное конструирование пола, социальное деление на мужское и женское.

В последнее время проблематика феминизма смещается в сторону изучения гендера не только как социального конструирования пола, но и как перформативного действия, как социальных практик и регламентирующих действий. На это обращает внимание О. Н. Воронина, утверждая, что в перформативной теории гендера «гендерная идентичность формируется при помощи специальных действий, перформансов, демонстрации принятия правил общества» [5, с. 10]. Иными словами, на смену теории социального конструирования гендера приходит перформативная концепция гендера.

Феминизм, зародившись как политическое и экономическое движение женщин за равные юридические и экономические права, претерпел существенные изменения. В современном обществе феминизм существует не только в форме многочисленных практик и движений, но и в форме разнообразных социально-философских течений, культурологических, антропологических и этнографических исследований. При этом выделяют разные формы феминизма, начиная от радикального феминизма и заканчивая такими экзотическими формами, как неофеминизм и амазон-феминизм. Сравнивая марксистский феминизм и постмодернистский феминизм, мы показали, что для решения проблемы дискриминации женщин недостаточно устранения капитализма и классов, как полагал марксизм. Действительно, капитализм исчезает, а патриархальное общество со сложившимся укладом, системой ценностей, практиками, культурой, – нет. Корни феминизма находятся глубже, и их следует искать в культуре, общественных традициях, экономическом укладе, разделении труда. Поэтому в постмодернистской феминистской философии становятся востребованными гендерная методология и гендерная теория.

Библиографический список:

1. Агафонова Е. Е. Феминизм и постмодернизм: к вопросу о теоретических основаниях гендерных исследований / Е.Е. Агафонова, Л.Ю. Мещерякова // Гендерные стереотипы в современной России / сост. общ. ред. И.Б. Назарова, Е.В. Лобза; Гос. ун-т – Высш. шк. экономики. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 23-38.
2. Батуренко С. А. Марксистский феминизм: теоретический проект, генезис и опыт практической реализации в XX веке / С.А. Батуренко // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 1. С. 111-129.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, Издательство «КДУ», 2011. 392 с.
4. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, Издательство «КДУ», 2012. 260 с.

5. Воронина О. А. Конструирование и деконструкция гендера в современном гуманитарном знании / О.А. Воронина // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. №1. С. 5-16.
6. Ворошилова О. Н. Феминистские концепции женщины / О. Н. Ворошилова // Теория и практика общественного развития. 2008. № 1. С. 143-147.
7. Платонова С. И. Парадигмальный характер социального знания. Ижевск: ФГБОУ ВПО Ижевская ГСХА, 2014. 296 с.
8. Сокулер З. А. М. Фуко. История сексуальности [Электронный ресурс] // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2007. № 1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/m-fuko-istoriya-seksualnosti> (дата обращения: 31.03.2022).
9. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.
10. Фуко М. История сексуальности. Признания плоти. Т. 4. М.: Ад Маргинем, 2020. 416 с.
11. Шабурова О. В. Феминизм // Социальная философия: Словарь / Сост. и ред. В.Е. Кемеров, Т.Х. Керимов. М.: Академический Проект, 2003. С. 488-491.
12. Rubin G. The Traffic in Women: Notes on the «Political Economy» of Sex // Toward an Anthropology of Women / ed. by R.R. Reiter. Monthly Review Press, 1975. Pp. 157-210.

Gerasimov P.D., Platonova S.I. **Feminism in the philosophy of marxism and philosophy of postmodernism: main characteristics and features**

The history of the emergence, the main characteristics and directions of feminism are analyzed. Marxist feminism and postmodern feminism are compared. Marxism claims that the reason for discrimination against women is the presence of classes, private property, and division of labor. Marxist feminism does not explain the phenomenon of the persistence of economic and political inequality of women in the modern post-industrial globalizing society. Postmodern feminism analyzes the causes of discrimination against women more deeply. Postmodern feminism considers the system of binary oppositions in Western culture, gender inequality based on the social assessment of gender and the social hierarchy between men and women to be among the main causes of discrimination.

Keywords: gender, marxism, postmodernism, feminism, philosophy

УДК 316

Д. В. Журавлева

Женская трудовая миграция в страны ЕС и Россию в контексте глобальных политических процессов XXI в.

Аннотация:

Женская трудовая миграция в XXI в. становится естественным процессом. «Феминизация» трудовой миграции распространена и в странах Европейского союза, и в России. В статье рассматриваются преимущества женской трудовой миграции и ее возможные недостатки, своевременное неразрешение которых может вести к серьезным проблемам, как для самих мигрантов, так и для страны-донора и страны-реципиента. Анализируется процесс интеграции и социальной адаптации женщин в принимающем обществе.

Ключевые слова: женская трудовая миграция, «феминизация» миграции, гендерные роли, адаптационные процессы, социальная интеграция, ЕС, Россия.

Об авторе: Журавлева Дарья Владиславовна, МГУ им. М.В. Ломоносова, студент факультета мировой политики; эл. почта: darya0501@icloud.com

Научный руководитель: Багдасарьян Надежда Гегамовна, доктор философских наук, профессор факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова; эл. почта: ngbagda@mail.ru

В своем первоначальном значении термин «миграция» связан с английским глаголом «путешествовать пешком, странствовать». В собственном смысле слова, миграция — совокупность перемещений с целью перенести место пребывания кого-либо [8]. Мигрантом, согласно определению Международной организации по миграции, выступает «любое лицо, которое перемещается или уже переместилось через международную границу или внутри государства и покинуло место своего обычного жительства независимо от юридического статуса лица; добровольного или недобровольного характера перемещения; причин перемещения; или продолжительности

пребывания» [26]. Происходит не только внутренняя миграция населения, характеризующаяся переездом из-за урбанизации из деревень в города, но и внешняя миграция в условиях, когда люди переезжают в другие страны, даже на другие континенты.

Одной из основных тенденций современных международных миграционных процессов можно считать феминизацию миграционных потоков [2]. Это связано с изменениями, которые происходят в мировой экономике, а именно с развитием устойчивой ниши рынка труда в развитых странах, что обуславливается постоянно растущей потребностью в найме рабочих [2, с. 73]. В условиях глобализации международные компании нацелены как можно больше высококвалифицированных специалистов, способных принести предприятию прибыль и успех, независимо от их половой принадлежности. Это позволяет женщинам, обладающим образованием и компетенцией в профессиональной сфере, мигрировать для поиска нового высокооплачиваемого рабочего места и трудиться по специальности.

В течение последних 10-20 лет сильно изменились мотивы миграции женщин. Первоначально одними из основных причин переезда считались брачная миграция, смена работы мужа и последующий переезд, вынужденная миграция (природные катаклизмы, политическое преследование, войны и революции). На протяжении веков существовало традиционное распределение гендерных ролей, где основное бремя обеспечения семьи в материальном плане нес мужчина, а женщина выполняла роль «хранительницы домашнего очага» [16]. Такое распределение гендерных обязанностей объясняет, почему женщины реже, чем мужчины мигрировали самостоятельно [13]. Однако даже в XXI в. гендерные ожидания, присутствующие в стране происхождения, способны определять предпочтения мигранток и их положение в обществе. В данном случае эмансипация и улучшение социальной роли женщин не представляют собой первостепенную задачу. Такие особенности характерны для обществ и стран с патриархальным устоем, примерами могут служить регионы Российско-Евразийский, Южной, Юго-Восточной, Восточной и Южной Азии, Среднего Востока, Африки.

В XXI в. появляется тенденция феминных обществ, в которых женщины отказываются от устоявшихся годами стереотипов и пытаются бороться с различными запретами, накладываемыми на них окружением. Сегодня поиск работы за рубежом характеризует самостоятельный выбор и поиск иностранной компании, нацеленность на работу, экономические мотивы трудоустройства по специальности [13].

Центр стратегических разработок в 2018 г. опубликовал доклад, в котором анализировались процессы международной трудовой миграции. Важная роль в докладе уделялась требованиям, выдвигаемым работодателями в принимающих странах. Особую важность международные компании придают знанию языка той страны, куда въезжает мигрант, наличию высшего образования. Согласно исследованиям Центра стратегических разработок, наиболее востребованным кандидатом на работу выступает женщина до 35 лет [7].

За последние 22 г. изменились и предпочтения женщин при выборе сферы труда. По данным проводимого в России социологического опроса, в начале XXI в. треть респондентов были готовы покинуть Родину ради любой работы за границей [13]. Руководитель Центра миграционных исследований в России Е. В. Тюрюканова делает акцент на том, что в начале 2000-х гг. женщины-мигрантки выбирали низкоквалифицированный труд в сфере обслуживания, досуга и развлечений. В современном мире женщины подходят к выбору будущей работы за рубежом с особой внимательностью и осознанностью, они стремятся не только найти хорошую должность, но и работать по специальности. Основными ресурсами для поиска трудоустройства считаются: агентства по поиску работы, объявления в сети Интернет на специализированных сайтах. Изменилась и сфера труда, женщины все чаще заинтересованы в трудоустройстве в таких секторах, как образование, наука, здравоохранение, информационные технологии [13, с. 12].

Существуют разные мотивы, побуждающие женщин-мигранток выезжать из страны пребывания. Трудовая миграция позволяет женщинам обеспечить себя и свою семью достойным уровнем жизни, повысить свою квалификацию, дает возможность самореализоваться, получить престижную должность в зарубежной компании, профессиональный опыт [22]. Миграция представляет собой возможность получения средств существования, как материальных, так и духовных. Вкладывая до эмиграции средства в свое образование, женщина ожидает в принимающей стране вертикальную социальную мобильность в двух основных аспектах: доход и статус [25].

В свою очередь, существуют определенные трудности для женщин при трудоустройстве в другой стране. Рассмотрим их на примере стран ЕС и России. По приезду в данном случае требуется получить разрешение на проживание в стране, обладать хорошим знанием иностранного языка и подтвердить свой диплом об образовании. Самой долгорешаемой проблемой может быть получение временного или

постоянного разрешения на жительство, для этого нужно подтверждение знания языка той страны, куда въезжает мигрант, и наличие контракта на работу по востребованной на рынке труда специальности [27]. В европейских странах существует специальная система карт, которые позволяют быстро получить разрешение на жительство и работу специалистам востребованных профессий и квалификации (в Дании эта система называется Danish job card scheme, во Франции Cartes compétences et talents, в Германии Blaue Karte) [27, с. 12]. В данном случае миграция становится позитивным фактором для женщин, расширяющим их возможности и позволяющим становится более самостоятельными и независимыми в обществе, внося вклад в развитие рынка труда.

Особые изменения в миграционные потоки внесла пандемия COVID-19, зафиксированная Всемирной организацией здравоохранения в январе 2020 г. Почти все составляющие общественной жизни подверглись изменению во время распространения коронавирусной инфекции. Претерпели изменения и здравоохранение, и экономика, и воспроизводство кадров. Ни одна сфера жизни общества не осталась в стороне, как и трудовая миграция населения. Без миграционных потоков представить глобализацию общества невозможно, с 2020 г. огромное передвижение людских масс на время замедлилось, но не приостановилось. Многие страны закрыли свои границы и ввели ограничения по передвижению.

Сильные изменения произошли в восприятии людей в принимающих странах иммигрантов, как возможных распространителей инфекции. Последствия пандемии COVID-19 усугубляют социальные диссонансы между местным населением и приезжими, ухудшился психологический климат в странах, что противоречит интеграции мигрантов в обществе [6]. Реализация ограничительных мер, позволяющих сдерживать распространение инфекции, имела огромное влияние на рынок труда. Мигранты, работающие в сфере обслуживания, потеряли свои трудовые места, и в то же время лишились возможности выезда на Родину. Исследования показывают, что женщины в условиях коронавирусной инфекции оказались менее уязвимы в трудовой сфере, нежели мужчины, что подтверждает лучшую способность женщин адаптироваться к неблагоприятным условиям [12].

В свою очередь, способность к быстрой адаптации и интеграции мигрантов в обществе страны пребывания оказывает значительную роль на продолжительность и условия миграции. В современных реалиях принцип принадлежности лишь к одной культуре и к одному государству уже теряет свою актуальность. Постоянный отток и

приток населения заставляет правительства применять такую политику по отношению к обществу и гражданам, которая помогла бы им интегрироваться и адаптироваться в новых условиях. Все более распространенной становится новая модель «мирового» гражданина, в концепции которой лежит наделение всех граждан государства правами, независимо от их национальной или культурной принадлежности [3].

Такая модель получила название мультикультурной. Она противопоставляется теории «плавильного котла», которая предполагает слияние различных культур в одну общую для всех. Концепция распространена в большей степени в США, где главенствует идея построения «единой американской культуры». Европейские страны, наоборот, приверженцы теории, в которой все культуры и народы существуют равноправно и обогащают культуру принимающей страны.

Государствам, придерживающимся политики мультикультурализма, следует учитывать не только культурное разнообразие индивидов, но одновременно и обеспечивать их должными необходимыми правами на жизнь. Между двумя этими обязанностями проходит тонкая грань, которая легко может быть разрушена. Вследствие чего нарушается равновесие, которое предполагает мультикультурная модель. Мигранты же в свою очередь сокращают дистанцию между народами, обогащая культуру в целом, но создают одновременно и поля напряжения — как между принимающим сообществом и прибывающими, так и внутри каждого из этих сообществ в связи и по поводу правил и принципов включения новых граждан в жизнь национальных государств [3, с. 256].

Население принимающей страны рассчитывает на приспособление мигрантов к сложившейся культуре, традициям. В свою очередь, миграция, принимающая транснациональный характер в современных процессах, требует ответа от местного населения, а именно, адаптации сообщества к новым условиям бытия [3, с. 256]. К задачам принимающей стороны относится обеспечение мигрантов возможностью участвовать в социальной, культурной, экономической и гражданской сферах жизни страны пребывания. Одновременно с появлением у принимающей стороны определённых обязанностей возникают ответные требования и к приезжающему населению, а именно, мигрантам следует уважать нормы и ценности общества и активно участвовать в процессе интеграции, при этом, не теряя своей идентичности [3, с. 256].

В данной ситуации особую роль играет концепция толерантности как терпимости к чужому образу жизни, поведению, чужим обычаям, чувствам, верованиям, мнениям, идеям и т. п. [9]. В современном мире толерантность признается одним из

основополагающих принципов гражданского общества. Однако эта благородная концепция перестает действовать, когда между принимающим обществом и мигрантами возникает непосредственная коммуникация, осложненная проблемами, культурным недопониманием и неприятием. Происходит всплеск интолерантности, когда принимающее население, определяющее себя как титульная нация, обеспокоено идеей национальной безопасности.

Особые трудности в связи с интеграцией и адаптацией в обществе испытывают женщины-мигранты. Мигрантки чаще всего подвержены ограничению в экономических, социальных правах, в доступе к информации, жилью, здравоохранению, материнству [25]. Коммуникативная изоляция женщин усиливается и из-за отсутствия знаний языка принимающей страны, что рассматривается как основной социальный барьер. А важную роль в интеграции и социальной адаптации играют знание и понимание языковых и культурных особенностей страны пребывания. Незнания в данных областях препятствуют получению информации и услуг [24]. Одновременно с этим, знание языка страны приема гарантирует мигрантам включение в кросскультурные контакты и способствует впоследствии интеграции и выстраиванию новой идентичности [13].

Россия и страны Западной Европы, Германия, Франция, Австрия, Дания, понимая данную проблему, на законодательном уровне ввели специальные программы, предусматривающие интеграционные курсы, благодаря которым мигранты обучаются государственному языку, истории, традициям и проходят профессиональную подготовку и первичную ориентацию на рынке труда [23].

Кроме языкового барьера и недружественного отношения общества принимающей стороны причинами изолированности женщин-мигрантов могут служить скудные коммуникационные связи, сегрегация экономических пространств, вследствие чего мигрантки вынуждены заниматься низкооплачиваемым трудом. Вместе с тем, особую роль играют и различные диаспоры и национально-культурные объединения, которые одновременно позволяют мигрантам и сохранять свою идентичность, и консервируют их изолированность от общества страны пребывания [13, с. 96]. Вследствие чего идет обратный процесс интеграции, а именно торможение взаимодействия между приезжим и местным населением.

Женщины относятся к уязвимой группе лиц, осуществляющих миграцию. Они в большей степени подвержены дискриминации и злоупотреблению со стороны недобросовестных работодателей. Миграция женщин бывает связана с плохими

условиями труда, торговлей людьми в целях сексуальной эксплуатации и принудительного труда [15]. Мигрантки испытывают определенные трудности с доступом к социальному обеспечению, а именно к здравоохранению, материнству и уходом за ребенком.

В данном случае основой по борьбе с такими проявлениями миграции служит Общая рекомендация № 26 по вопросу о трудящихся мигрантах-женщинах от 5 декабря 2008 г. [20]. В рекомендации также делается акцент на том, что размер заработной платы трудящегося должен изменяться прямо пропорционально с ростом образовательного уровня мигранта и варьироваться по различным отраслям, независимо от пола мигранта. Безусловно, теневой сектор экономики стран не учитывает данные рекомендации, вследствие чего происходит дискриминация по половому признаку, когда женщины из-за низкой квалификации или отсутствия образования заняты в низкооплачиваемых сферах труда, не имея каких-либо социальных гарантий [25].

Законодательства не учитывают и тот факт, что в большинстве случаев женщины для того, чтобы покинуть свою Родину и уехать на заработки, приходится оставить семью, в том числе детей, в стране проживания. Воссоединение семей во многих странах Европы и России возможно лишь в том случае, если мигрант получает гражданство. Это заставляет женщин задумываться о последствиях своей жизни и отказываться от миграции. Ведь первостепенная социальная роль женщины — мать, и она берет на себя определенные обязательства по воспитанию и обеспечению детей. А долгий переезд за границу и отсутствие дома способны привести к усугублению и подрыву отношений внутри семьи. Это ставит женщин в зависимость от супруга и разлуки с детьми.

В решении данной проблемы огромный вклад внесла Швеция в 2008 г. [23]. Она изменила миграционное законодательство и разрешила воссоединение семей временных трудовых мигрантов. Если женщина получает разрешение на работу на срок больше, чем один год, то государство включает семью мигранта в программу социального обеспечения с полным пакетом социальных прав и возможностью пользования дошкольными учреждениями. Женщины, у которых имеются дети, не достигшие возраста восьми лет, имеют права работать неполный трудовой день с сохранением заработной платы. Данная политика расширяет права женщин на труд [23]. Исследования, проведенные в 2010 г., показывают, что женщины-мигрантки, получившие разрешение на воссоединение с семьей в России и проживающие вместе с детьми, адаптируются быстрее, чем женщины, мигрировавшие в одиночку, так как дети выступают в качестве «коммуникативного

инструмента»: женщины более включены в общество через дошкольные и школьные учреждения [13, с. 98].

Миграционная политика европейских стран и России часто предполагает, что трудовая миграция лишь временное явление, что в реальности дело обстоит совершенно иначе. Из-за этого принимающие страны не рассчитывают на полную адаптацию мигрантов в новом обществе. Вследствие чего, высококвалифицированные работники-мигранты испытывают стресс и моральную подавленность, связанные с непринятием норм и ценностей общества, впоследствии это способно повлиять на их трудовые способности.

В то же время, стоит рассмотреть изменения, происходящие в обществе через призму глобализационных трендов. В последние 15-20 лет европейское население стало предвзято относиться к приезжим. Это связано с разными рисками, которые несет за собой миграция, а именно: «арабизация» Франции, «тюркизация» Германии и Голландии, происходит «столкновение разных культур, религиозных и национальных традиций дестабилизирует страны-реципиенты» [4]. Боясь потерять свою идентичность, местное население не принимает мигрантов в общество. Тем самым, создается коммуникативный барьер, не позволяющий социализироваться новому населению.

Таким образом, в современном демократическом обществе сосуществование представителей различных культур на одной суверенной территории и адаптация приезжего населения возможны лишь в том случае, если правительство гарантирует принципы равноправия, уважения достоинства личности и равный доступ ко всем благам, как для граждан страны, так и для мигрантов [5]. В этом контексте на первый план выходит задача интегрировать приезжее население. Данную задачу принято рассматривать, как первостепенную и важнейшую для миграционной политики. «Сохранение присущего миру разнообразия должно быть поставлено во главу политических решений и политических действий в современном мире, что необходимо для его существования» [4, с. 278].

Женская трудовая миграция в страны ЕС: позитивные и негативные кейсы в фокусе мировых трендов

Женщины, мигрирующие в страны Европейского союза в XXI в., нацелены на поиск более успешных экономических возможностей. Женщины могут мигрируют как добровольно, принимая предложение работодателя по переводу на должность в иностранный филиал компании или находя работу за рубежом самостоятельно, так и

вынужденно, являясь жертвами объективных жизненных обстоятельств [16]. К таким могут быть отнесены различные формы эксплуатации, климатический и военный фактор. Иммиграция в страны ЕС в большинстве случаев представляет собой переезд на постоянной основе, но встречается и сезонная рабочая миграция. Стоит отметить, что сезонные женщины-работники с наибольшей вероятностью подвержены рискам. Временная миграция может иметь негативные последствия с точки зрения прав человека, включая доступ к экономическим и социальным правам, право на семью и защиту от эксплуатации [18].

К основным странам-донорам, которые обогащают Европу трудовой силой, можно отнести: страны Азии, бывшего Советского союза, Африки, Азии, Ближнего Востока [17]. Стоит заметить, что значительную долю женщин, покидающих свои дома и ищущих лучшие условия труда, составляют россиянки. Привлекательность Европейских стран для трудовой миграции женщин объясняется несколькими факторами: европейской толерантностью к легальным иммигрантам, нацеленностью самих работодателей в привлечении высококвалифицированных специалистов, высокой заработной платой, социальными гарантиями, предоставляемыми правительством принимающей страны.

В европейских странах существует программа международной мобильности, предлагающая высококвалифицированным работникам на определенный срок, обговаривающийся заранее, поменять привычное место труда и работать в главном или дочернем иностранном офисе. На первых этапах своего пребывания на новом месте жительства женщины-мигрантки испытывают «культурный шок». Девушки проходят все его этапы, начиная от стадии «медового месяца» и заканчивая стадией полной адаптации, характеризующейся относительно стабильными изменениями индивида в ответ на требования среды [1]. Основными проблемами выступают такие аспекты, как интеграционные процессы в новом ментальном обществе, отсутствие в речи людей, окружающих девушек в жизни и на работе, родного языка.

В фокусе мировых трендов женщины играют все более важную роль в качестве национальных и международных мигрантов. В настоящее время становится очевидным тот факт, что сложная взаимосвязь между миграцией и развитием человеческого потенциала имеет особое влияние на развитие феминных процессов миграции [21].

Женская трудовая миграция в Россию: позитивные и негативные кейсы в фокусе мировых трендов

Масштабы женской трудовой миграции в Россию в течение последних десятилетий возросли. Страны СНГ лидируют в своих показателях эмигрантов, переезжающих в нашу страну. На современном этапе Россия сталкивается с серьезной проблемой — «утечкой мозгов» из страны и иммиграцией низкоквалифицированных и не имеющих высшего образования работников [13]. Феминные процессы миграции, распространяющиеся во всем мире, затронули и страны бывшего Советского Союза. Но, мигрируя, женщины остаются «невидимыми работниками» для рынка труда и чаще всего выбирают профессии, связанные с неформальным низкооплачиваемым сектором экономики [13, с. 9]. В этом контексте возникает проблема доступа к медицинскому обслуживанию и социальному обеспечению.

Возрастной состав мигранток разнообразен. Женщины эмигрируют на разных этапах жизненного цикла: дорепродуктивном, репродуктивном и пострепродуктивном [13, с. 8]. Наличие детей или замужество не препятствуют переезду в другую страну, а только способны изменить формы миграционного поведения женщин.

В большинстве случаев женщины вынуждены работать не официально, даже имея высшее образование. Это связано с недобросовестными работодателями, которые не намерены отчислять повышенные налоги за иностранных работников своей фирмы. Налоговым кодексом Российской Федерации предусмотрены иные налоги, нежели для работников-граждан РФ [10]. В связи с этим, многие мигрантки вынуждены работать в «теневом» или низкоквалифицированном секторах экономики: сферах услуг и продаж.

Женщины мигрируют вследствие того, что не могут найти работу в стране-доноре. Даже работая официально в стране происхождения, мигрантки испытывают финансовые проблемы. Заработная плата в России существенно выше. Девушки, проживающие уже длительный период времени в России и работающие на официальной основе, не исключают трудности в поиске работы у себя на Родине. В большинстве случаев женщины сталкиваются с серьезными адаптационными проблемами во время переезда в Россию. Они связаны с недостаточным знанием русского языка. Хотя мигрантки прибывают из стран бывшего Советского Союза, но их юность и обучение пришлось на годы распада СССР и роста национального сознания в бывших республиках. Особые трудности испытывают мигранты-выходцы из Средней Азии.

Еще одним серьезным, хотя и весьма противоречивым фактором интеграции, следует назвать религиозную принадлежность мигранток. Большую долю приезжих составляют выходцы из мусульманских стран Средней Азии. Они выбирают закрытое

общение в своих этнических кругах, не пытаясь адаптироваться в новом социуме. Вследствие чего, национально-культурные объединения помогают мигрантам быстрее интегрироваться, но в то же время, консервируют их изолированность [13].

Продолжительность миграционных процессов в Россию зависит от целей женщин. Некоторые из них покидают свою Родину с целью временной миграции, оставив детей в стране происхождения. Представляясь основными кормилицами в семье, они вынуждены оставить дом и эмигрировать с целью заработка. Остальные, получив высшее образование у себя на Родине, но не найдя высокооплачиваемое рабочее место, мигрируют в Россию. Эти женщины придерживаются долгосрочной стратегии миграции, не имея желания возвращаться к себе на Родину и потерять текущее место труда. При поиске работы для них в большинстве важен факт наличия родственников в стране-реципиенте, которые могли бы помочь им с трудоустройством и временным жильем.

Феминизация миграционных процессов затронула и страны СНГ. В большинстве случаев женщины вынуждены сталкиваться с похожими проблемами, а именно отсутствием институционального обеспечения трудоустройства иностранцев в России и экономической стабильности в отличие от российских работников [13, с. 9].

Сравнительный анализ

Значительная доля женщин-мигрантов присутствует как в странах Европейского союза, так и в России. Хотя страны-доноры, поставляющие рабочую силу, кардинально различаются собой, что представляет значительные трудности при сравнительном анализе. В то же время, ЕС и Россия сталкиваются с положительными и негативными аспектами, которые затрудняют переезд и дальнейшее проживание мигранток. Одной из основных проблем, связанных с миграционными тенденциями, можно считать уязвимость женщин и сложности с получением условий для легального проживания, из-за чего возрастает доля «нелегальных мигрантов», не имеющих прав гражданина страны [19]. Появляются общественные и государственные проблемы, связанные со снижением экономического развития, преступностью и нестабильностью в обществе страны-реципиента. Исследования, занимающиеся изучением современных миграционных тенденций, все больше показывают и доказывают вовлеченность женщин в низкоквалифицированные сектора экономики даже при наличии высшего образования [16].

Преимуществом Европейских стран можно считать программу международной трудовой мобильности, которая позволяет женщинам после продления ее сроков получить

постоянное место труда и остаться на продолжительный период времени за рубежом [16]. Программа предлагает проживание и работу в уже развитых регионах европейских стран. Работники дочерних филиалов иностранных компаний Европейского союза, расположенные за рубежом, при высоких трудовых показателях способны переехать по предложению в страны ЕС на временной основе. Российская Федерация предлагает похожую программу, но для жителей РФ, а не мигрантов: программа повышенной трудовой мобильности [11].

Несмотря на трудности, женщины-мигрантки пытаются интегрироваться на рынке труда и в обществе не меньше, чем мигранты-мужчины. В то же время, женщины испытывают больше трудностей в первоначальный адаптационный период. Кроме недостаточного знания языка, что создает барьер для интеграции в обществе, важным фактором выступает религиозная принадлежность, которая способна заставлять мигрантов «закрываться» в своих культурных сообществах, не вступать в кросскультурные связи с жителями страны-реципиента и тормозит выстраивание их новой идентичности [13].

Наличие детей у мигранток способно оказывать влияние на их адаптационный период. Женщина, оставившая свою семью на Родине и приехавшая на заработки на непродолжительный период времени, не пытается полностью адаптироваться в новом обществе и обзавестись профессиональными связями. В то же время, женщины, мигрирующие первоначально в одиночку, но планирующие в будущем перевести семью за рубеж, более интегрированы и профессионально активны, так как они стремятся установить крепкие связи с окружающей их общественной средой.

Главный вывод исследования заключается в следующем. Странам ЕС и России следует задуматься о большей государственной поддержке приезжающих мигрантов, наиболее уязвимой категории граждан. Специальные языковые и профессиональные курсы способны помочь в социальной интеграции. Между тем, самостоятельный поиск работы за рубежом, опирающийся на недостоверные, случайные источники информации приводит к серьёзными проблемам, касающимся безопасности женщин и добросовестности работодателей.

Библиографический список:

1. Авсеенко Н. А. Теория и практика межкультурной коммуникации: учеб. пособие для специалистов в обл. мировой политики / Н. А. Авсеенко; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Фак. мировой политики. М.: Макс пресс, 2005. 205 с.
2. Алешковский И. А. Тенденции международной миграции в глобализирующемся мире / И. А. Алешковский, В. А. Ионцев // Век глобализации. 2008. № 2. С. 77–87.
3. Багдасарьян Н. Г. Мультикультурализм в сценариях взаимодействия: варианты и инварианты / Н. Г. Багдасарьян // Диалог культур в условиях глобализации: XII Международные Лихачевские научные чтения, Санкт-Петербург, 17–18 мая 2012 года / Российская академия наук, Российская академия образования, Конгресс петербургской интеллигенции, Санкт-петербургский гуманитарный университет профсоюзов. СПб: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2012. С. 253-255.
4. Багдасарьян Н. Г. Риски культурного разнообразия в глобализирующемся мире / Н. Г. Багдасарьян // Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации: XIII Международные Лихачевские научные чтения, Санкт-Петербург, 16–17 мая 2013 года. СПб: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2013. С. 277-278.
5. Васильева Т. А. Проблемы интеграции иностранцев в контексте межкультурного диалога / Т. А. Васильева // Миграционные процессы в условиях диалога культур и партнерства цивилизаций: IX Международные Лихачевские научные чтения, 14-15 мая 2009 года, Рос. акад. наук, Рос. акад. образования, Конгр. петерб. интеллигенции ; [ред. И. В. Петрова]. СПб: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2009. С. 440-442.
6. Гоффе Н. В. Пандемия COVID-19 и миграция населения: кейсы Италии и Швеции / Н. В. Гоффе, И. В. Гришин // Мировая экономика и международные отношения. 2021. №12. С. 118-127.
7. Деминцева Е. Б. Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения / Е. Б. Деминцева, Н. В. Мкртчян, Ю. Ф. Флоринская. М: Центр стратег. разработок, 2018. 54 с.
8. Демографический понятийный словарь / Под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2003. 352 с.
9. Иванова Н. Л. Идентичность и толерантность: соотношение этнических и профессиональных стереотипов // Вопросы психологии. 2004. №6. С. 54-63.

10. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 19.07.2000 № 118-ФЗ (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.07.2021) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 24.03.2022).

11. Программа повышенной трудовой мобильности [Электронный ресурс] / Работа в России // Режим доступа: <https://trudvsem.ru/information/mobility/> (дата обращения: 31.03.2022).

12. Сивоплясова С. Ю. Женская трудовая миграция в период пандемии COVID-19 // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2020. №3. С. 106-113.

13. Тюрюканова Е. В. Женщины-мигранты из стран СНГ в России / Е. В. Тюрюканова, Ж. А. Зайончковская, Л. Б. Карачурина и др. / под ред. Е. В. Тюрюкановой М.: МАКС Пресс, 2011. 119 с.

14. 2019 Annual Report on Intra-EU Labour Mobility [Электронный ресурс] // European Commission // Режим доступа: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/40821c65-2a24-11eb-9d7e-01aa75ed71a1> (дата обращения: 31.03.2022).

15. Anderson B. Why Madam has so many bathrobes: Demand for migrant domestic workers in the EU // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2001. №92 (1). Pp. 18-26.

16. Boyd M. Women and Migration: Incorporating Gender into International Migration Theory / M. Boyd, E. Grieco [Электронный ресурс] // Migration Information Source. Washington, 2003. March. Режим доступа: www.migrationinformation.org/feature/print.cfm?ID=106 (дата обращения: 15.05.2022).

17. Christof V. M. Migration and Immigrants in Europe: A Historical and Demographic Perspective / Chr. Van Mol, H. A. G. de Valk // Integration Processes and Policies in Europe. Contexts, Levels and Actors. Brussels: Springer Open, 2016. Pp. 31-55.

18. Crepeau F. Report of the Special Rapporteur on the human rights of migrants. Labour exploitation of migrants [Электронный ресурс] // United Nations General Assembly, Human Rights Council. Режим доступа: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/HRBodies/HRCouncil/RegularSession/Session20/A-HRC-20-24_en.pdf (дата обращения: 21.03.2022).

19. Freedman J. Women, Migration and Activism in Europe [Электронный ресурс] // Amnis: Revue de Civilisation Contemporaine de l'Université de Bretagne Occidentale. 2008. №8. Режим доступа:

https://www.researchgate.net/publication/28248360_Women_Migration_and_Activism_in_Europe/ (дата обращения: 31.03.2022).

20. General recommendation No. 26 on women migrant workers [Электронный ресурс] // Refworld. Режим доступа: <https://www.refworld.org.ru/category,LEGAL,,,4ae55c542,0.html> (дата обращения: 15.05.2022).

21. Ghosh J. Migration and gender empowerment: Recent trends and emerging issues [Электронный ресурс] // Human Development Research Paper. 2009. №4. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/46468462_Migration_and_Gender_Empowerment_Recent_Trends_and_Emerging_Issues (дата обращения: 15.05.2022).

22. Goudenhoft G. The Influence of European Law Concerning Gender Discrimination in Romanian Labor Market: Some Aspects of Women's Migration in the EU // The influence of European law concerning gender discrimination. 2011. №5 (1). Pp. 21-36.

23. Guide on Gender-Sensitive Labour Migration Policies [Электронный ресурс] // OSCE, Режим доступа: <https://www.osce.org/files/f/documents/b/4/37228.pdf> (дата обращения: 15.05.2022).

24. Kontos M. Between Integration and Exclusion Migrant Women in European Labor Markets. [Электронный ресурс] // Migration Information Source. Режим доступа: <https://www.migrationpolicy.org/article/between-integration-and-exclusion-migrant-women-european-labor-markets> (дата обращения: 15.05.2022).

25. Migration [Электронный ресурс] // United Nation. Режим доступа: <https://www.un.org/en/global-issues/migration/> (дата обращения: 15.05.2022).

26. Shutes I. Gender and free movement: EU migrant women's access to residence and social rights in the U.K / I. Shutes, S. Walker // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2017. №1. Pp. 137–153.

Zhuravleva D. V. Female Labor Migration to the EU and Russia in the Context of Global Political Processes in the XXI Century

Female labor migration in the XXI century is becoming a natural process. "The article discusses the advantages of female labor migration and its possible disadvantages, which, if not solved in time, can lead to serious problems both for the migrants themselves and for the donor and recipient countries. It analyzes the process of integration and social adaptation of women in the host society.

Keywords: female labor migration, «feminization» of migration, gender roles, adaptation processes, social integration

УДК 167.7

Л. А. Сони́на

Тренды постбодрийеровского общества потребления

Аннотация:

Осмысление процессов постиндустриального общества породило ряд концепций, выделяющих ту или иную характерную для него черту. Информационное общество, общество спектакля, сетевое общество – лишь часть этого ряда. Автор статьи задается вопросом, почему среди этих концепций наиболее важной стала теория «общества потребления» Ж. Бодрийера. Показывая, что потребление в его утрированной форме гиперконсюмеризма вызвало глобальные угрозы, автор проводит анализ возможных выходов из сложившейся ситуации. Делается вывод, что неизбежным будет введение регулятивов на потребление со стороны государственных структур, однако возможным видится добровольное самоограничение индивидуального потребления в виду развития таких трендов, как медленное потребление и антипотребительство.

Ключевые слова: потребительские практики, общество потребления, ответственное потребление, гиперпотребление, медленное потребление, антипотребительство.

Об авторе: Сони́на Лидия Александровна, старший преподаватель, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), эл. почта: lidija_sonina@mail.ru

В рамках философского осмысления социокультурных трансформаций послевоенного общества второй половины XX в. выработалось несколько глобальных концепций, выделяющих ту или иную ключевую характеристику жизнедеятельности социума. Приведем некоторые из них:

- Концепция информационного общества, заявленная еще в начале 60-х гг. в работах нескольких ученых, опирается на факт произошедшей информационной революции и последовавшего за ней усиления роли информации и информационных технологий, ставших неотъемлемой частью нашей жизни (см. например: [13]).

- Концепция общества спектакля, разработанная Г. Дебором в конце 60-х гг., выявляет зрелищность и представление, как главные атрибуты восприятия социальной действительности индивидами того времени и подчеркивает роль СМИ, как главного производителя новой иллюзорности бытия [3].
- Концепция сетевого общества, появившаяся уже в 90-х гг., заявленная названием одноименной книги «Сетевое общество» ван Дейка и получившая свое развитие в работе М. Кастельса «Информационная эпоха» ставит главными функционирования современного общества сетевые структуры, и главным образом – социальные и медиа-сети, которые заменяют личное взаимодействие на индивидуальном, групповом и общественном уровнях [17; 5].

Среди этих концепций особое место занимает теория общества потребления Ж. Бодрийяра, изложенная им в одноименной книге (*La société de consommation*) в 1970 г. [2]. Почему именно эта теория стала такой важной? И какое развитие получили выявленные в ней основные, по мнению автора, характеристики современного ему общества?

Гиперконсьюмеризм

Ж. Бодрийяр видел в постиндустриальном капитализме непрерывный вектор наращивания производства, которое ничем не регламентируется, даже принципами рациональности или функциональности производимых объектов. В этой связи объекты производства перестают быть тем, чем они должны быть непосредственно, они теряют свой первичный смысл и обретают форму симулякра. При этом наращивание производства невозможно без наращивания потребления, поскольку в противном случае у него не будет экономического оправдания и ресурсов на продолжение наращивания.

Поэтому система «производитель-потребитель» становится замкнутой и прочной и быстрой в темпах своего разрастания. Появляется понятие быстрого потребления или гиперпотребления (гиперконсьюмеризма). Если точнее, под ним понимается потребление вещей, не имеющих функционального назначения, которое сопровождается давлением на потребителя со стороны современного капиталистического общества, навязывающего эти вещи, как ценности [16, с. 16].

Исследователи выделяют несколько характеристик гиперконсьюмеризма. Во-первых, это короткий жизненный цикл товаров. Общество потребления навязывает индивидам ценность новизны. Поощряется постоянная покупка новых и отказ от старых

вещей. Это хорошо видно на примере моды, где актуальность тех или иных предметов одежды или обуви может доходить даже до нескольких недель [11].

Во-вторых, это завышенные бюджетные статьи индивидов на покупку ненужных товаров. Общество потребления навязывает индивидам ценность брендов. Брендированные товары стоят, как правило, гораздо дороже небрендированных. Нередко отмечается, что покупка брендированных вещей может осуществляться не под воздействием принципа необходимости потреблять, а из предпосылок личного характера: желания подтвердить свой статус или в качестве гедонистической практики [14, с. 17]. В случае дефицита бюджета индивид обеспечивается кредитными возможностями. Эти возможности в общества потребления масштабны настолько, что помимо гиперпотребления товаров, индивид становится гиперпотребителем кредитов, что может выражаться в болезненных формах кредитомании [4].

В-третьих, это возведение потребления в ранг религиозного культа. Отмечается, что поход в церковь заменяется индивидами на шоппинг, вместо святых поклонению подлежат селебрити (знаменитости), жажда лучшей жизни после смерти вымещается жаждой лучшей жизни в настоящем [15, с. 30–34].

Таким образом, потребление становится самоцелью, подкрепленной политикой экономического функционирования общества. Это касается не только товаров, покупаемых в гипермаркетах, но и вообще всей системы социальных институтов, и в частности тех институтов, принципы существования которых прежде казались незыблыми.

Выше указано, что гиперконсьюмеризм обрел религиозные черты, но важно заметить, что и религия стала объектом гиперконсьюмеризма. Прежде всего, это логичным образом произошло в той религиозной конфессии, которая и была преобладающей при формировании общества потребления, а именно в протестантизме. Исследователи стали говорить о макдональдизации¹ религии и отмечать тому множество примеров, среди которых приведем появление мегацерквей в США: мегацеркви имеют черты мегамаркетов, они обслуживают несколько тысяч прихожан, служба проводится в развлекательной форме, сопровождается выступлениями знаменитостей [9]. Другие

¹ Речь идет о четырех принципах работы сетей ресторана Макдональдса, выделенных Дж. Ритцером и тиражируемых на работу различных социальных институтов современного общества потребления: принцип эффективности, калькулируемости, предсказуемости результата, контроля и использования автоматизированных технологий без участия человека [8].

конфессии постепенно вслед за протестантизмом также стали обретать черты гиперконсюмеризма. Например, в 2010 г. РПЦ совместно с мэрией Москвы разработала план постройки 200 храмовых комплексов¹. Что характерно, храмы изначально планировалось строить по единому образцу, чтобы каждый храм мог обслуживать 25-30 тыс. прихожан, что, в сущности, противоречило принципам устройства храмов, каждый из которых в традициях РПЦ предполагает свой уникальный вид.

Отметим, что в 2018 г. первоначальное решение было пересмотрено и храмы стали строиться по своим уникальным образцам, однако сам принцип «шаговой доступности» сохранился: наращивание храмовых структур из расчета охвата всех потенциальных потребителей религиозного культа. Кроме того служение священников перестало принадлежать к уровню сакрального, появляются исследования, направленные на выявление временных затрат служителей на проведение треб и другой церковной деятельности, иными словами к ним стали относиться не как к служителям культа, время которых лежит в границах их договоренности с Богом, а в границах политэкономии, временных и трудовых затрат, необходимых на обеспечение религиозных потребностей прихожан [6].

Религия – основана на отношениях человека с Богом; выполняя социальные функции в социуме, она оставалась сакральным институтом, работа которого не должна быть нормирована или построена по принципам Макдональдса. И, тем не менее, во многом она им стала соответствовать:

– Принцип эффективности, связанный с ускоренностью, подразумевающий жесткое расписание, исполнение результата точно в срок, во многом воплощается расписанием служб в храмах, вне которого достаточно сложно встретить священника (сакральная иррациональная встреча практически исключена);

– Принцип калькулируемости или расчета производимой продукции сочетается с попытками нормировать работу священника, рассчитать нужное количество храмов, цену за услуги;

– Принцип предсказуемости результата, означающий, что клиент, придя в любой ресторан Макдональдс, получит тот же самый бургер, реализуется на вышеприведенном

¹ См. сайт проекта «Двести храмов»: Режим доступа: <https://200hramov.ru/> (дата обращения: 06.02.2022).

примере мегацерквей США (они все похожи и работают в одинаковом стиле); этот принцип изначально закладывался в работу «Храмов шаговой доступности РПЦ;

– Принцип контроля и использования автоматизированных технологий без участия человека также реализуется сегодня с введением информационных технологий в работу церквей, так, например, в протестантской церкви уже была осуществлена попытка использовать в служении исповедующего робота.

Наука также обрела черты гиперконсюмеризма. Это выразилось, прежде всего, в том, что ее достижения стали измеряться в количественных показателях публикационной активности. Мы уже проводили анализ этой проблемы и показали, что за названием «публикационная активность» кроется целая бизнес-система фабрикации статей, монографий, журналов и конференций [1]. Тогда мы отмечали, что «публикационная активность набрала такие обороты, что только о самой «публикационной активности» в базе РИНЦ появилось более 2000 работ (данные на июнь 2020 г.) – это обзоры публикационной деятельности отдельных вузов, описания её управления, визуализации данных и т.п.».

Сегодня можно лишь подтвердить этот тезис: в базе РИНЦ появилось около 3000 таких работ (данные на январь 2022 г.). Наука – должна работать на открытия и изобретения, которые облегчат человечеству жизнь, вместо этого она производит неисчисляемые множества публикаций, которые невозможно охватить даже специалисту в одной узкоспециализированной области, не говоря уже о том, чтобы вычленить из них полезные. И производство этих публикаций тоже происходит по принципам Макдональдса:

– Принцип эффективности реализуется в сроках, жестко регламентирующих публикационную активность и дедлайны проектной работы;

– Принцип калькулируемости виден в жестких количественных показателях публикационной активности;

– Принцип предсказуемости результата в данном случае означает, что все легитимные участники научного процесса (институты, научные центры и т.д.) будут производить примерно одинаковые по уровню (который в данном случае тоже вычисляется количественными показателями квартиля журнала, последующим цитированием) публикациями. Здесь нужно отметить, что по факту этот уровень удастся подделать, но заложен он в плане публикационной активности, как уровень «хорошего бургера»;

– Принцип контроля и использования автоматизированных технологий без участия человека в данном случае, как и в случае с религией реализуется введением информационных технологий: это автоматизированные проверки на плагиат, технологии подсчета цитируемости и ведения рейтинговых баз научных авторов.

Мы привели примеры двух институтов, изменения в которых в сторону практики гиперконсюмеризма, казалось бы, не должны были произойти, если исходить из базиса, на котором эти институты изначально основаны. Безусловно, таким изменениям подверглись в еще большей степени те институты, которые изначально были основными посредниками формирования общества потребления, такие как СМИ, институты массовой культуры. В рамках данной статьи мы не станем на них останавливаться, тем более, что об этом написано достаточно много¹. Важно понимать, каков прогноз дальнейшего развития при глобальной трансформации общественных институтов в условиях изменения потребительских практик в сторону гиперконсюмеризма. Очевидно, могло быть две прогнозные линии: либо продолжение наращивания темпов гиперконсюмеризма с заменой одних потребностей, по мере их насыщения, другими; либо появление альтернативных гиперконсюмеризму трендов потребления.

Альтернативные гиперконсюмеризму тренды потребления

Несмотря на то, что потребительская гонка казалась бесконечной, на данном этапе определенно вычлняются ее альтернативные течения. Эти течения построены на принципах – антагонизмах быстрому потреблению. Речь идет об ответственном потреблении, антипотребительстве (антиконсюмеризме) и медленном потреблении.

Важно отметить, что появление ответственного потребления, как тренда, связано с внешней для индивидов инициативой, исходящей со стороны крупных межправительственных институтов, таких, например, как ООН. Проблема в том, что быстрое потребление спровоцировало несколько глобальных для всего мирового сообщества проблем. Прежде всего, это потенциальная экологическая катастрофа, связанная с выбросом производственных отходов, а также с мусорным захлаплением целых полигонов невостребованными товарами. При продолжении наращивания темпов

¹ На февраль 2022 г., только в РИНЦ по теме массовой культуры в обществе потребления содержится 352 публикации, по теме СМИ в обществе потребления – 139 публикаций. Анализируется: трансформация СМИ в частные блоги, расписание и тематика выпусков в которых регулируется принципами макдонализации Ритцера, процессы операционализации мошенничества в СМИ и массовой культуре в условиях общества потребления.

производства и потребления эта катастрофа из потенциальной неизбежно перерастет в быстро приближающуюся.

Кроме того, при наличии фактов истощаемости природных ресурсов и в то же время перенаселения планеты, напрашивается вывод о приближающейся нехватке жизненно-важных ресурсов для всего человечества. Кроме того, быстрое потребление выявило побочные эффекты, изменившие физиологическое качество жизни людей, наиболее ярким примером здесь выступает проблема ожирения, которая коснулась не только американских любителей быстрого фастфуда, но уже проникла и в Россию [7]. Все эти проблемы возникли не в одночасье, о них предупреждали ученые 2-ой половины прошлого века [12].

Первым шагом к ответу на их предупреждение можно назвать Конференцию ООН по проблемам окружающей среды 1972 г., на которой прозвучал тезис о том, что ответственное потребление может улучшить жизнь народонаселения планеты. Эта идея продвигалась и на последующих конференциях ООН, и на других конференциях. Так, например в 1994 на прошедшем в Осло симпозиуме ответственным было названо потребление и производство товаров и услуг, повышающих качество жизни при ограниченном использовании природных ресурсов и вредных материалов.

Однако основные принципы концепции ответственного потребления, легшие в основу современного тренда ответственного потребления, были провозглашены в только 2012 г, на Конференции ООН по устойчивому развитию. Они включали, использование возобновляемых ресурсов, продление жизненного цикла товаров, посредством их переработки и при этом производство товаров с первичным длительным производством. Постепенно политика ответственного потребления начала проводиться правительствами разных стран. Так, например, в России с 2019 г. введены дорожные карты по вторичной переработке мусора¹; в Китае введен закон против расточительства в еде: посетителям общепита грозит штраф за недоеденные блюда².

Таким образом, в ответ на угрозы, спровоцированные быстрым потреблением, возникли государственные инициативы по ограничению потребления. Пока эти

¹ Раздельный сбор мусора: быть или не быть в России // Tass.ru. – Режим доступа: https://tass.ru/spec/musor_sbor (дата обращения: 05.02.2022).

² В Китае приняли закон против расточительства в еде // Esquire. – Режим доступа: <https://esquire.ru/news/society-news/29-04-2021/259363-v-kitae-prinyali-zakon-protiv-rastochitelstva-v-ede-s-posetiteley-kafe-budut-brat-dopolnitelnyu-platu-za-nedoedennyye-porciiyu/> (дата обращения: 05.02.2022).

инициативы проявляются в относительно мягкой форме, возникает вопрос, приживутся ли они на добровольном согласии индивидов или потребуются жесткие ограничения, которые, в условиях реальной нехватки ресурсов, могут стать тоталитарными. Ответ на этот вопрос, хочется верить, будет обнадеживающим, и к этому есть следующие основания. Помимо тренда ответственного потребления, навязанного со стороны глобальных социальных институтов, наблюдается еще два тренда, имеющих основу во внутренних интенциях индивидов. Речь идет о медленном потреблении и антиконсьюмеризме.

Первый (медленное потребление) возник на волне неприятия к Макдоналдсу. Отправной точкой считается демонстрация 1986 г. на одной из римских площадей, инициатор которой, К. Петрини, выдвинул принципы медленного наслаждения пищей (в оппозиции к быстрому Макдоналдсу). Следующим шагом можно назвать создание в 1999 г. Мирового института медленности под началом Г. Бертелсена, последователя Петрини. Сегодня это – целое движение, включающее, как медленное питание, так и медленную моду, медленную науку, медленное образование. Сторонники этого движения выбирают его добровольно, основываясь на принципах Петрини наслаждения от медленного потребления. Как отмечают исследователи, движение достаточно многочисленно, чтобы его можно было определить, как развивающийся тренд. Только сторонников медленного питания, насчитывается более 100 тыс., при этом под их интерес к медленной кухне открываются специальные рестораны [10].

Второй тренд (антиконсьюмеризм) очевидно имеет давние истоки, восходящие к идеям М. Ганди, Фр. Ассизского и других деятелей, проповедовавших простой образ жизни. Однако сформировалось и оформилось оно также недавно, как и медленное потребление, а именно в 90-е гг. XX в. и в начале XXI в., благодаря активной работе его популяризаторов, среди которых можно назвать Н. Кляйн, издавшую книгу «No Logo. Taking Aim at the Brand Bullies»¹, а также авторов книги «Affluenza: The All-Consuming Epidemic»². Эти книги стали мировыми бестселлерами, распространившими идеи отказа от брендов, минимизации покупок.

Сегодня идеи антипотребительства поддерживают многие жители Европы, и главное, в этом их поддерживают люди высокого достатка, среди которых, например,

¹ Англ. «No Logo. Люди против брендов».

² Англ. «Потребляемость. Болезнь, угрожающая миру».

основатель социальной сети Facebook, Марк Цукерберг, носящий скромную одежду и имеющий скромный автомобиль¹. Идеи антипотребительства развились в такие направления, как фриганство (полный отказ от покупки питания и одежды, которая приобретается на помойках), сквоттинг (отказ от покупки жилья, которое приобретается методом захвата нежилых помещений).

Оба достаточно ярких тренда набирают обороты, это обнадеживает в том, что альтернатива гиперконсьюмеризму может исходить от самих людей. Однако следует понимать, что тяга к трендам, сама по себе, является потребительской прерогативой, и те индивиды, что поддерживают сегодня антипотребительство или медленное потребление, воспитаны в бодрийеровском обществе потребления, а значит, один тренд для них может легко быть заменен другим, по правилам ценности обновления потребительского общества. При этом, следует также понимать, что природное поле ресурсов действительно истощается и засоряется, а значит, если гиперконсьюмеризм не угаснет, его придется погасить насильно, силами правительственных структур в жесткой форме.

Библиографический список:

1. Багдасарьян Н. Г. Мнимые единицы публикационной активности в обществе потребления / Н.Г. Багдасарьян, Л.А. Сониная // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 12. С. 86-94.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления / Ж. Бодрийяр ; [пер. с фр. Е. А. Самарской]. М.: Издательство АСТ, 2020. 384 с.
3. Дебор Г. Общество спектакля. М.: Опустошитель, 2020. 280 с.
4. Ильин А. Н. Кредит и кредитомания в условиях общества потребления / А.Н. Ильин // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2019. №2 (24). С. 12-28.
5. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

¹ Антипотребительство как образ жизни известных миллиардеров [Электронный ресурс] // kreativlife. Режим доступа: <https://kreativlife.ru/chto-takoe-antipotrebiteľstvo-i-kakoj-obraz-zhizni-ono-predpolagaet/> (дата обращения: 05.02.2022).

6. Крихтова Т. М. Распределение рабочих времязатрат современных православных священников / Т.М. Крихтова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3(151). С. 223-238.
7. Ожирение в России: современный взгляд под углом социальных проблем / И.В. Лескова, Е.В. Ершова, Е.А. Никитина [и др.] // Ожирение и метаболизм. 2019. Т. 16. № 1. С. 20-26.
8. Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5. М.: «Праксис», 2011. 592 с.
9. Хлопкова О. Человек в поисках инструкции, или макдональдизация социальных процессов [Электронный ресурс] // The W&LL. – 2017. Режим доступа: <https://thewallmagazine.ru/mcdonaldization/> (дата обращения: 06.02.2022).
10. Яцевич О. Е. К вопросу о содержании "медленного движения" / О.Е. Яцевич // Теория и практика общественного развития. 2015. № 15. С. 123-125.
11. Arnold Ch. Ethical Marketing and the New Consumer. Wiley, 2009. 288 p.
12. Kates R.W. Population and consumption: What we know, what we need to know // Environment: Science and Policy for Sustainable Development. 2000. Vol. 42 (3). Pp. 10-19.
13. Machlup F. The production and Distribution of Knowledge in the United States. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1962. 416 p.
14. Paris Ch. Affluence, Mobility and Second Home Ownership. – London: Routledge, 2010. 224 p.
15. Sayers M. The Trouble With Paris: Following Jesus in a World of Plastic Promises. – Thomas Nelson Inc, 2008. 224 p.
16. Städtler R. Celebrity Scandals and their Impact on Brand Image: A Study among Young Consumers: A Theoretical and Empirical Investigation. – Ebook, GRIN Publishing, 2011. 108 p.
17. van Dijk J. De netwerkmaatschappij: sociale aspecten van nieuwe media. – Houten :Bohn Stafleu Van Loghum, 1991. 260 p.

L.A. Sonina. PostBaudrillard`s society trends

Hyperconsumerism makes global disaster closer. So the world faced with the necessity of real efforts. The author analyses some variants for solving it. It's shown, that the governmental regulations of consumerism would be inevitable. However, the voluntary self-restriction is also possible during such trends as slow consumerism and anti-consumerism.

Keywords: consumer practice, consumer society, hyperconsumerism, sustainable consumption, responsible consumption, hypercraft consumption, slow consumption, anti-consumerism.

УДК 612.821.6+616.89-02

Н. Ю. Ивлиева

Дофамин и шизофрения

Аннотация:

Шизофрения признана «наихудшим заболеванием, поражающим человека», она пристально исследуется, однако терапевтические результаты, полученные в исследованиях, оцениваются как «весьма скромные». Не определены и причины заболевания. Появляются всё новые теории развития болезни, но дофаминовая теория сохраняет свое значение. В статье рассмотрена эволюция дофаминовой теории шизофрении, а также пути её соприкосновения с исследованиями аномального опыта «Я».

Ключевые слова: дофамин, шизофрения, болезнь, психоз, бред, дофаминовые рецепторы, стриатум, мозг, нейролептики, нейрон.

Об авторе: Ивлиева Наталья Юрьевна, кандидат биологических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН, Москва; доцент кафедры клинической психологии, Государственный университет «Дубна», эл. почта: nivlieva@mail.ru

Проблемы этиологии, классификации, нейрофизиологии и терапии шизофрении

Начнем с выдержки из введения к загадочной книге. Ее автор под псевдонимом Б. О'Брайен рассказывает о своем собственном опыте болезни. В русском переводе книга называется «Необыкновенное путешествие в безумие и обратно: Операторы и Вещи». Она впервые издана в 1958 г., и имя автора так и осталось тайной. Проблемы, поднятые в книге, перекликаются с главными болевыми точками американской психиатрии того времени. Автор пишет: «К настоящему времени достаточно определенно установлены три момента относительно шизофрении: никто не знает ее причин, никто не знает, как ее лечить; количество исследователей в этой области столь мизерно, что вряд ли стоит надеяться на решающий прорыв в ближайшем будущем» [9].

Безусловно, очень многое изменилось с тех пор, но судите сами, так ли много нужно поменять в приведенном высказывании, чтобы описать современную ситуацию: «к настоящему времени достаточно определенно установлены три момента относительно шизофрении: никто не знает ее причин, никто не знает, как ее лечить», количество исследователей в этой области велико, но по-прежнему «вряд ли стоит надеяться на решающий прорыв в ближайшем будущем». Конечно, в этом утверждении присутствует доля лукавства, т.к. по сравнению с концом 50-х гг. прошлого столетия мы очень много узнали о шизофрении, существуют хорошо обоснованные и влиятельные теории шизофрении, а появившиеся в 50-е гг. нейрорептики существенно облегчили жизнь больным.

Однако до сих пор среди специалистов отсутствует консенсус относительно диагностики и классификации этого расстройства, последний пересмотр критериев в действующей американской классификации DSM-V происходил в горячих обсуждениях, ни одна другая диагностическая категория не оспаривается так часто, как «шизофреническое расстройство», при том, что, по словам С. Н. Мосолова, проблема шизофрении – краеугольный камень всей психиатрии [4; 7]. «Более того, – пишет Мосолов, – наши западные коллеги в последнее время все более активно, подобно японским психиатрам, предлагают отказаться от термина «шизофрения».

Ситуация усложняется тем, что подавляющее большинство пациентов попадает в поле зрения врачей в ситуации острого психоза, когда чаще всего присутствуют так называемые позитивные симптомы: бред, галлюцинации, в то время как психоз не специфичен для шизофрении, и около 8% популяции испытывали психотический опыт в связи с другими причинами, а у большого числа больных шизофренией с целым набором таких симптомов, как расстройство мышления, повышенная или пониженная возбудимость, поведенческие аномалии, никогда не наблюдалось ни бреда, ни галлюцинаций [23; 25; 10].

В связи с этой проблемой в специальной литературе все чаще употребляется понятие «клинического ядра» (clinical core) шизофрении, которое «не просто конструкт, но обладает феноменологической реальностью», но которое, однако, «с трудом определяется вербально», и при попытках описать его говорят о прототипическом Гештальте заболевания или снова все чаще о некогда забытом «раннем чувстве шизофрении» (praesox-feeling) [35]. Классификация – это, прежде всего, попытка

установить закономерность, и упомянутые проблемы во многом связаны с продолжающимся поиском ускользающих закономерностей.

Относительно причин заболевания существует немало теорий, основанных на многочисленных экспериментальных и клинических данных, однако сам факт разных, часто мало связанных между собой теорий указывает на отсутствие глубокого понимания этих причин. Ш. Капур обращает внимание на то, что наиболее влиятельные теории шизофрении – нейробиологические, при том, что по-прежнему нет четко определенных устойчивых нейробиологических маркеров заболевания. Самой широко обсуждаемой из нейробиологических теорий шизофрении является дофаминовая теория [27; 31].

После осуществления проекта «Геном человека» большие надежды возлагались на генетические исследования шизофрении. И к настоящему времени результаты исчисляющихся уже тысячами научных работ в этой области указывают на то, что определенный ген, ответственный за шизофрению, вряд ли будет обнаружен, а скорее, предрасположенность к заболеванию определяется значительным (не менее сотни) числом генов, изменение в каждом из которых в отдельности производит небольшой эффект (small size effect), то есть очень незначительно повышает риск развития заболевания. Среди этих генов есть и те, что определяют развитие и функционирование дофаминового и глутаматных путей, и, вероятно, формирование синаптической передачи вообще, но они не выделяются ни представленностью, ни степенью влияния (effect size). При этом показана ассоциация заболевания с механизмами кальциевого, калиевого обмена, с широким спектром звеньев иммунной системы, например, с генами региона главного комплекса гистосовместимости [19].

Поэтому ждать от генетики простого решения проблемы не стоит. Однако генетические исследования усилили или даже возродили идею о том, что шизофрения выступает результатом нарушения процессов развития нервной системы (neurodevelopmental disorder) [26; 30]. Сейчас шизофрению рассматривают как группу хронических расстройств, имеющих разные проявления, с неблагоприятным прогнозом, запускаемых множеством взаимодействующих генетических, средовых, эпигенетических факторов, факторов развития, которые совместно вмешиваются в нормальные процессы развития и созревания мозга [20]. При описании заболевания, как и ранее, выделяют позитивные и негативные симптомы, а также нередко говорят о когнитивных нарушениях.

В середине прошлого века классические нейролептики, блокаторы дофаминовых D-2-рецепторов, заняли прочные позиции в психиатрии, они существенно облегчили

жизнь больным, позволили обходиться без изоляции и часто без госпитализации, иногда добиваться долговременного улучшения. Сейчас они нередко заменяются так называемыми «атипичными» антипсихотическими препаратами (действующими помимо дофаминовой и на серотониновую передачу), вызывающими меньше побочных эффектов. Однако обе группы препаратов, временно ослабляя позитивные симптомы, мало способствуют даже временному функциональному восстановлению, позволяющему человеку вернуться к учебе, работе, общению, обыденной жизни [22]. На поиск новых препаратов по-прежнему направляются огромные усилия, однако о новом прорыве речи не идет. «В целом терапевтические результаты, полученные в дорогостоящих исследованиях, нужно оценить как весьма скромные – почти у 70% больных в течение 1 – 2 лет отмечался рецидив независимо от применяемого препарата», – пишет С. Мосолов [7].

Наиболее перспективным подходом к лечению заболевания на сегодня выступает ранняя диагностика и ранняя терапия [32]. Данные генетических исследований и лучшее понимание нейробиологического субстрата шизофрении указывают на то, что «курс на болезнь» может быть изменен. На одном из первых мест стоят психосоциальная и когнитивно-поведенческая терапии: с одной стороны, это почти окончательный отказ от поиска «волшебной пули» (magic bullet), или панацеи, но с другой, это признание того, что шизофрения – это сугубо человеческая, душевная болезнь, а не просто проявление некоего генетического или нейрохимического дефекта.

**Дофамин – это ветер, раздувающий пожар психоза.
(Ларуэль, Аби-Даргхам, 1999)**

Дофаминовая гипотеза шизофрении родилась, когда начала проясняться природа влияния антипсихотических препаратов: когда Карлссон и Линдквист обнаружили, что введение этих препаратов животным изменяет обмен дофамина, когда во многом благодаря усилиям Симана с сотрудниками стало понятно, что центр связывания этих препаратов оказывается рецептором дофамина (который и был вначале назван «рецептором нейролептиков») и, более того, что препарат оказывается тем более эффективным, чем лучше он связывается с рецептором [37]. К этому добавились наблюдения о том, что амфетамин может вызывать психотические симптомы и повышает уровень моноаминов в мозге. Суть гипотезы сводилась к тому, что при болезни

дофаминовая трансмиссия усиливается, а блокада рецепторов посредством нейролептиков приводит к ослаблению симптомов.

Но постепенно накапливались данные, указывающие, что эта картина слишком проста. И в 1991 г. К. Дэвис с соавторами, проанализировав, по их заявлению, все исследования по тематике дофамина, шизофрении и процессов познания, предположили, что шизофрения характеризуется низким уровнем дофамина в префронтальной коре, что приводит к проявлению негативных симптомов, а уже это, в свою очередь, приводит к повышению его уровня в подкорковых мезолимбических структурах, что влечет за собой появление позитивных симптомов [16]. Одновременно и достоинством и недостатком гипотезы было то, что она во многом опиралась на исследования на животных, что позволяло углубиться в изучение нейрофизиологических и нейрохимических механизмов изменений, а с другой стороны, ставило вопросы о степени применимости добытых на животных фактов к тому, что происходит в мозге человека. Эти вопросы в свою очередь стимулировали поиски наиболее адекватных моделей заболевания на животных, и как ни парадоксально, иногда именно эти поиски заставляли исследователей обратить более пристальное внимание на феноменологию заболевания.

В последующие годы благодаря новым, постоянно совершенствующимся методам нейровизуализации, основные предположения дофаминовой гипотезы были отчасти подтверждены и существенно уточнены на людях. Были разработаны новые модели заболевания на животных, среди которых особенно стоит отметить те, что основаны на воздействиях, моделирующих участие факторов развития нервной системы (например, в результате удаления вентрального гиппокампа вскоре после рождения). Также были существенно уточнены сферы применимости фармакологических моделей, в частности, имитирующих психоз, вызванный употреблением таких веществ как кетамин, фенциклидин, амфетамин [23].

В 2009 г. О. Хоус и Ш. Капур опубликовали статью под названием «Дофаминовая гипотеза шизофрении: версия III – общий финальный путь» [25]. По мнению авторов, взаимодействие разных факторов риска ведет в итоге к дофаминовой дисрегуляции, приводящей к развитию психоза. Второе положение их гипотезы смещает фокус с нарушений на уровне рецепторов к дофамину и переводит его на уровень пресинаптической регуляции. Согласно третьему положению, дофаминовая дисрегуляция скорее связана с психозом, или со склонностью к психозу, а не собственно с шизофренией. И, наконец, гипотеза предполагает, что нарушения регуляции дофамина

приводят к изменениям в оценках стимулов. Это происходит за счет нарушения процесса присвоения этим стимулам значимости, в который предположительно вовлечен дофамин [3].

Судя по картине, представленной авторами гипотезы, в результате взаимодействия генетической уязвимости с определенными факторами окружающей среды существенно изменяется содержание дофамина в синаптических окончаниях дофаминергических нейронов [20]. Это приводит к изменению выделения, обратного транспорта, метаболизма дофамина, изменению числа рецепторов и другим многочисленным последствиям. Далее авторы оказываются перед необходимостью определить, какая из идей о специфической роли дофамина в процессах подкрепления является более «правдоподобной», и останавливают свой выбор на гипотезе К. Берриджа и Т. Робинсона о ключевой роли дофамина в процессах присвоения мотивационной значимости. Согласно этой гипотезе, дофамин опосредует превращение стимулов из нейтральных в привлекательные, а конкретно: мезолимбическая дофаминергическая система выступает ключевым компонентом процесса «присвоения значимости» (attribution of salience), в результате которого стимулы, или (события или мысли) привлекают внимание, стимулируют действие и, в итоге, влияют на целенаправленное поведение [3; 12].

Вполне ожидаемо, что нарушение процесса присвоения значимости в результате дисфункции дофаминергической системы может привести к хаосу в оценивании роли многочисленных стимулов, которые непрерывно действуют на организм. При этом важно понимать, что в первую очередь речь идет не о сознательных оценках, а о непрерывном и во многом автоматическом процессе, который происходит постоянно. Таким образом, гипотеза дезорганизованной дофаминовой передачи предполагает, что при развитии психоза дофамин начинает выделяться «не по правилам», а последствия его выделения как раз вполне закономерны: то, что сопровождается выделением дофамина становится значимым; проблема же состоит в том, что зачастую это могут быть совершенно случайные события [27].

«Мои чувства обострились. Маленькие незначительные вещи вокруг меня приводили меня в восхищение... Было ощущение, как будто пробудились от спячки какие-то части моего мозга». Такие примеры отчетов больных об ощущениях, предшествующих началу острого психоза, приводит Капур. Совсем на другом эмоциональном фоне это предстает в словах А. Лаувенг, описавшей свой собственный опыт борьбы с болезнью в книге «Завтра я всегда бывала львом»: «Мне казалось, что

звуки становятся какими-то необычными. Они становились то слишком громкими, то слишком тихими, или просто какими-то странными... Звон в ушах иногда превращался в такой громкий и грозный шум, что отзывался настоящей физической болью, а иногда я не могла с уверенностью понять, что же я слышу – простой звон в ушах или чьи-то слова» [6].

Далее Капур говорит, что такие ощущения вызывают у человека состояние озабоченности, повышенной эмоциональности и тревоги, желание осмыслить ситуацию, за чем нередко следует облегчение и «новое осознание» – уже в форме бреда при психозе. Важно то, что это «новое осмысление», когда «кристаллизуется бред и возникают галлюцинации», сопровождается облегчением, которое в свою очередь может служить подкреплением этого нового состояния. У Гоголя в «Записках сумасшедшего» читаем: «Сегодняшний день – есть день величайшего торжества! В Испании есть король. Он отыскался. Этот король я... Теперь я вижу все как на ладони. А прежде, я не понимаю, прежде все было предо мною в каком-то тумане» [2].

Во многом сходные с подходом Капура идеи развивают Корлетт с коллегами, однако они делают акцент не на значимости, а пытаются объяснить формирование бреда абберрантным научением [13, 14]. Авторы считают, что проблема не в том, что сам процесс научения как-то нарушен, а в том, что на входе в него поступает неверный сигнал. Сигнал этот – ошибка предсказания, в случае болезни – неверная ошибка. Они напоминают о фундаментальной роли мозга в идентификации закономерностей или ассоциаций и в результате в построении субъективной модели мира. Это сопровождается непрерывными процессами предугадывания и обновления: мозг постоянно использует исходные знания для предсказания того, каким будет следующий входящий стимул. И при возникновении любого расхождения между тем, что ожидается и тем, что воспринимается, генерируется сигнал несоответствия, который и становится ошибкой предсказания.

Таким образом, эта ошибка выступает исключительно важной для отслеживания происходящего и необходимой для нового научения и формирования более точной модели текущего состояния среды. Корлетт с соавторами считают, что нарушения дофаминовой и глутаматной передачи могут лежать в основе формирования искаженной ошибки предсказания. Она может быть выявлена на разных уровнях функционирования нервной системы, например, в реакциях дофаминовых нейронов или в активности правой дорсолатеральной префронтальной коры. И уже на основании несоответствующего ситуации сигнала об ошибке изменяются восприятие, внимание, установки, ассоциации и

мысли. Может возникнуть ощущение «изменившегося мира, ставшего зловещим и нагруженным каким-то смыслом» [14]. А изменившиеся ощущения и новые ассоциации неизбежно порождают другие ожидания и вызывают новые вопросы к миру. Далее гипотеза предполагает, что согласовать эти неожиданные и необъяснимые впечатления пациенту помогают бредовые идеи.

Другим примером гипотезы, основанной в принципе на той же идее о нарушенной ошибке предсказания является модель, предложенная Т. Майей и М. Франком [29]. Модель разработана на основе взаимодействия ключевых участников корково-стриатного ансамбля. Авторы исходят из предположения, что при шизофрении, как и под влиянием амфетамина [15], уменьшается вызванный кратковременный ответ на значимые стимулы и увеличивается частота спонтанных фазных выбросов дофамина. То есть Майя и Франк конкретизируют, что именно не так происходит с ошибкой предсказания - она либо смазана в ответ на значимые стимулы, либо сигнал возникает сам по себе в отсутствие адекватной стимуляции, – и утверждают, что сниженный ответ на значимые стимулы является причиной негативной симптоматики, а слишком частые спонтанные выбросы дофамина – позитивной.

Особенностью модели становится то, что в ней между измененной активностью дофаминовых нейронов и симптомами шизофрении отсутствуют такие посредники как внимание, восприятие, эмоции, попытки осмысления... Вместо этого присутствует компактный нейронный ансамбль и лаконичная математическая модель, описывающая ключевые взаимодействия клеток. Такая особенность модели может выглядеть как бесспорное преимущество, хотя бы потому, что в рамках объясняющей нейробиологической модели такие функции как внимание, память, эмоции и т.д. тоже должны быть соотнесены с определенными физиологическими механизмами, в то время как за каждой из этих функций стоит большая и далеко не решенная научная проблема. Однако справедливым также становится вопрос о том, какое отношение эта модель имеет к тому душевному заболеванию, которое она призвана объяснить?

Гипотезы Капура и Хоуса, Майи и Франка, Корлетта с соавторами не дают ответов на многие важные вопросы. Обсуждение этих вопросов грозит уклониться в излишний психологизм, субъективизм – это, безусловно, «неудобные» вопросы. Однако позже некоторые авторы решились обсудить их. И это обсуждение, если и не дало определенных ответов, все же позволило глубже взглянуть на проблему и попытаться понять пределы

применимости редукционистского подхода, оставаясь в рамках нейробиологической теории.

Например, почему бредовые идеи часто такие устойчивые и никакие доказательства не в силах разубедить больного? Чем определяется содержание бредовых идей и почему чаще всего они вертятся вокруг отношений с другими людьми или существами, обладающими сознанием? Почему содержание бреда связано со столь высоким эмоциональным накалом? Как связаны бред и галлюцинации между собой, а также с негативными симптомами шизофрении: с апатией, избеганием социальных контактов, с самоигнорированием (self-neglect)? Почему «бредовое расстройство порождает определенную, часто несокрушимую личность..., которая выступает в роли внутреннего зеркала политического авторитаризма, порождая внутреннего тирана?». Наконец, действительно ли «шизофрения не может быть понята без понимания отчаяния» [8]?

Важным уточнением является признание того, что восприятие – это не пассивный процесс получения информации, а управление органами чувств на основе предыдущего опыта. То есть наше восприятие работает как отдел приема писем в сказке о короле Матиуше Я. Корчака, и до короля-сознания доходит только очень тщательно отобранная корреспонденция. В недавнем комментарии к своей гипотезе Корлетт с соавторами упоминают Г. Гельмгольца, назвавшего каждый отдельный опыт восприятия «бессознательной догадкой» и высказавшего провокационную идею о том, что все наше восприятие – форма контролируемой галлюцинации, так как в нем мы в гораздо большей степени полагаемся на предшествующий привычный опыт, чем на непосредственные входы от органов чувств. Приводят они и слова И. П. Павлова: «самые знаменитые бессознательные заключения... не суть ли истинные условные рефлексы?» [14].

В чем же причина устойчивости бредовых идей, если гипотеза об ошибке предсказания, скорее, предполагает формирование все новых идей? Авторы утверждают, что бредовые мысли существенно отличаются от других верований, например, тем, что они возникают в ответ на ощущение изменившегося мира, ставшего странным и таинственным. Неожиданные совпадения и кажущаяся важность происходящих событий вызывают к их объяснению и поискам смысла, и когда возникает чувство разрешения противоречий, устранения двусмысленностей и неопределенности, наступает облегчение. И это ощущение облегчения, снятия тревоги и стресса становится очень

вознаграждающим, оно служит мощным подкреплением вновь установленному «порядку» в мире.

Еще одной причиной устойчивости бредовых убеждений может быть изменение процесса реконсолидации. Хонсбергер с соавторами в день напоминания (реактивации) вводили животным кетамин (напомним, это - попытка моделирования заболевания). Оказалось, что если кетамин вводился до процедуры напоминания, то условная реакция страха на следующий день усиливалась. При этом важно, что этот эффект подавлялся веществом, блокирующим дестабилизацию памяти. А это значит, что влияние кетамина опосредовано именно механизмами реконсолидации, а не каким-нибудь другим параллельным процессом [24]. Исследование на животных было проведено уже после того, как были получены данные об усилении под влиянием кетамина ассоциаций с приятными и неприятными воздействиями на людях. И это исследование было направлено именно на выяснение механизма такого усиления ассоциации при напоминании. На основе этих данных был сделан вывод о том, мысленное возвращение к бредовым идеям может скорее их усилить, чем ослабить.

Существует еще одно важное соображение, связанное с ошибкой предсказания, которое может объяснить укрепление уверенности в странных убеждениях. Дело в том, что в ситуациях, когда ошибка предсказания становится чрезмерно вариабельной, зависимые от нее процессы научения начинают вносить меньший вклад в поведение. Дидерен и Шульц доказали это экспериментально: они предлагали испытуемым в отсутствие всяких правил предугадать величину последующего вознаграждения в каждой пробе, и преднамеренно меняя разброс ошибки, показали, что при снижении предсказуемости в определенном диапазоне снижается и темп научения [17]. На основании этого предполагается, что в результате патологически высокой вариабельности сигнала ошибки предсказания при психозе этот сигнал начинает все меньше влиять на формирование внутренней модели реальности.

На вопрос о содержании бреда, казалось бы, можно дать довольно простой ответ: гипотезу, объясняющую необычные измененные ощущения, человек строит на основании своего личного опыта, а опыт приобретается в определенной социокультурной среде. И особенности бредовых представлений в разные эпохи подтверждают такое предположение. Например, последнее время в болезненных иллюзиях часто возникают новые гаджеты и предоставляемые ими невероятные возможности [40]. Но это – лишь конкретные детали. Суть иллюзорного образа мыслей может определяться состоянием

тотальной неопределенности больного в изменившемся мире. И вероятно, самыми неопределенными в окружающей среде являются чувства и намерения других людей, на которые, тем не менее, мы больше всего ориентируемся в жизни: «В самых важных вещах – например, любит ли тебя кто-то...– никогда не бывает ясности...» – говорит героиня замечательной книги Грейс Макклин «Самая прекрасная земля на свете» [6]. Поэтому совсем не удивительно, что главными действующими лицами бредовых представлений являются люди или человекоподобные существа.

Если же человеку не удастся справиться с хаосом в пограничном состоянии, то преодоления неопределенности ему удастся добиться уже в психозе, когда вдруг нередко возникает тиран: «я хотела держать себя в руках, чтобы не потерять контроля над хаосом. И тут появился Капитан» [5]. Хорошо известно, что устойчивость авторитарных режимов во многом основана на преднамеренном создании атмосферы полной неопределенности. С. Назар в книге «Beautiful mind» (в русском переводе эта книга вышла под названием «Игры разума») - удивительной биографии только что упомянутого Дж. Нэша – приводит высказывание политолога Дж. Гласса, изучавшего бредовые расстройства: «Бредовое расстройство порождает определенную, часто несокрушимую личность, абсолютный характер которой может загнать человека в безвыходное положение. В этом отношении она выступает в роли внутреннего зеркала политического авторитаризма, порождая внутреннего тирана» [8, с. 450].

И вполне может быть, что не очень-то важно, в результате чего возник хаос: из-за плохой работы глутаматного рецептора, неправильного выделения дофамина или из-за столкновения прагматического мира и мира идеального, как в рассказе Чехова «Черный монах», - если этот хаос не удастся преодолеть, то любой из нас оказывается на грани безумия. Автор, фразу из книги которого мы привели в начале этой статьи, считает, что «шизофрения угрожает тому, у кого не хватает мужества и поэтому он расчленяет свою личность ради того, чтобы принять себя и быть принятым обществом». Стал ли безумцем доктор Рагин из рассказа Чехова «Палата №6»? – Ответить трудно. Но ему определенно не хватило мужества – и он оказался заперт в отделении для сумасшедших.

Одна из статей называется «Дофамин, научение на основе вознаграждения и активная догадка» [16]. Безусловно, это не самый лучший перевод с английского на русский. Но словосочетание «активная догадка» обнаруживает глубокие смыслы. И может быть, воля к устранению неопределенности, опосредована дофамином. Но также возможно, что им опосредована и воля к принятию неопределенности. В записных

книжках Л. С. Выготского есть запись: «Шизофрения – болезнь вершин или глубин личности?» [1].

Дофамин и аномальный опыт «Я»

В симптоматическом богатстве шизофрении также трудно объяснить жесткую и неадекватную атрибуцию возникающих при психозе идей. Почему одни слова больной приписывает «голосам», а другие себе, почему перестает узнавать свои мысли? Возникло предположение, что проблемы такого рода могут быть вызваны общими сложностями в выявлении источников и причин поступающей стимуляции, в первую очередь, в определении собственной причастности к возникновению тех или иных событий. Эта способность, с одной стороны, является базовой, и на ней во многом основаны чувство «Я», самосознание, самоконтроль, ответственность, а за ней и вина. С другой стороны, она сама представляет собой довольно сложный конструкт.

В работе с названием «Изучение аномального опыта «Я» Парнас с соавторами приводят такие высказывания пациентов: «Я потерял контакт с самим собой... Я чувствую себя подобно несущественному объекту, вещи, вроде холодильника, но не человеческому существу». «У меня было слегка странное ощущение отсутствия связи между мной и тем, что я думаю». «У меня возникает чувство, что это не я написала, но я знаю, что это не так» [34]. А исследователь К. Кин из своего собственного опыта болезни заключает, что шизофрения – это «фундаментальное расстройство «Я» (self-disturbance), а не просто биохимический дисбаланс». Это расстройство она характеризует как нарушение экзистенциальной проницаемости между миром и «Я». «Лечение, – пишет она, – помогает наблюдающему «Я» доминировать над страдающим «Я», но настоящей меня больше здесь нет» [28].

Перед лицом таких проблем исследование причастности (agency) – попытка ухватиться за соломинку, но эта попытка должна быть предпринята. В первую очередь речь идет о некотором внутреннем механизме, при помощи которого индивидуум приписывает те или иные события результатам своих действий. Теоретических и экспериментальных подходов к проблеме было предпринято немало. Вполне ожидаемо, что в некоторых из них фигурирует дофамин.

В частности, Рэдгрейв и Герни предполагают, что дофаминовые нейроны непосредственно вовлечены в процессы такого рода [36]. По их мнению, тот самый короткий дофаминовый сигнал, который, как считают многие, кодирует ошибку предсказания вознаграждения, вместо этого играет ключевую роль в выявлении тех

аспектов окружающей среды или собственных действий, которые оказались причиной неожиданных изменений. Рэдгрейв и Герни считают, что разряд дофаминовых нейронов, начинающийся в ответ на неожиданное событие в течение первых 100 миллисекунд, идеально подходит для того, чтобы «зафиксировать» это событие, и в случае, если оно произошло после совершения определенного движения, связать это движение с последовавшим за ним событием, то есть понять, что это событие – результат собственного действия. И соответственно, если работа дофаминовых нейронов нарушается, то нарушится и связывание действия с результатом, что и может происходить при шизофрении.

Какие данные должен получать механизм, связывающий действия с их результатом? В него должна, во-первых, поступать информация о контексте, во-вторых, он должен «видеть» результат, но самым важным в нем должно быть звено, отслеживающее текущие действия. Конечно, можно наблюдать за этими действиями с помощью зрения, слуха, осязания..., но есть способ более оперативно донести информацию о текущем действии до различных отделов нервной системы. Существует такое понятие как «эфферентная копия» (efference copy), которое обозначает копию двигательной команды. Эта двигательная команда отдается исполнительной системе, а ее копия, например, по аксонным ответвлениям направляется в другие, не связанные непосредственно с исполнением движения, отделы мозга.

О наличии такого сигнала можно судить на основании не только прямых, но и косвенных данных. Например, у здоровых испытуемых в ответ на звук чужого голоса возникает особое электрическое колебание в мозге (электрическая негативная волна с пиком, приходящимся приблизительно на 100мс), в то время как в ответ на звук собственного голоса такая волна подавлена [42]. Иначе обстоит дело у больных шизофренией: такая волна у них возникает как в ответ на чужую, так и на свою речь. Предполагается, что отсутствие этой волны в ответ на свой голос в норме объясняется результатом подавления реакции под влиянием эфферентной копии – сигнала о том, что человек начал говорить (в отношении воспринимающих этот сигнал систем обычно говорят о «сопутствующем разряде» (corollary discharge)).

Или другой пример из статьи с необычным названием «Два ока за око» [38]. Во введении авторы заявляют, что утверждения, которые мы часто слышим от дерущихся детей о том, что «другой ударил сильнее», абсолютно правдивы. В своем исследовании они показали, что, пытаясь равнозначно ответить на силовое воздействие, которое перед

этим мы же сами произвели, мы бываем гораздо более точными, чем тогда, когда отвечаем на воздействие, поступившее извне, в последнем случае мы давим с силой почти вдвое превышающей исходную.

Интересно, что больные шизофренией в подобных условиях оказываются гораздо более точными, отвечая на внешнее воздействие [39]. Источником эфферентной копии выступает часть мозга, отвечающая за движение, а принимают информацию и генерируют сопутствующий разряд области, как-то отвечающие на последствия этого движения. Такой областью мозга, которая может связывать действия с результатом, является стриатум: он получает входы от большей части коры больших полушарий, от миндалины и гиппокампа. Таким образом, отслеживая контекст, он получает «быстрые» входы из таламуса и от дофаминовых нейронов, которые, вероятно, информируют его о результате, а также он получает детальную информацию из двигательных областей коры.

Проекционные нейроны стриатума, особенно дорсальной его части, довольно четко делятся на те, что экспрессируют только D1-рецепторы и те, что экспрессируют D2-рецепторы. Нейронов, на которых присутствуют и те и другие рецепторы относительно немного. И здесь важно обратить внимание на то, что сигнал, который может быть четко отнесен к эфферентной копии, получают преимущественно клетки, экспрессирующие D2-рецепторы [41].

Теперь перечислим основные факты, которые попытаемся связать:

- в стриатуме при шизофрении повышена концентрация дофамина,
- под влиянием дофамина возбудимость нейронов, экспрессирующих D2-рецепторы уменьшается,
- эфферентная копия, критичная для установления своего посредничества для события, приходит, главным образом, к тем клеткам стриатума, на которых находится больше всего D2-рецепторов.
- при шизофрении нарушается способность устанавливать источник событий,
- наиболее эффективны нейролептики, являющиеся антагонистами D2-рецепторов.

Напрашивается довольно простой вывод о том, что при шизофрении вероятность активации нейронов стриатума в ответ на сигнал об эфферентной копии снижается, что может усложнить определение своего авторства производимых действий, и под влиянием нейролептиков такая реакция может восстанавливаться. Но предлагаю взглянуть на некоторые факты о других участниках процесса передачи сигнала в стриатуме. Возьмем, например, входы к клеткам стриатума от дофаминергических нейронов. Известно, что

часть дофаминовых нейронов помимо дофамина выделяет в качестве медиатора глутамат (в результате ко-трансмиссии). Выделившийся из пресинаптических окончаний глутамат захватывается соседними астроцитами, в них превращается в глутамин и отправляется назад в нейронные окончания. Там из глутамина снова синтезируется глутамат и он может быть опять использован как медиатор.

В этот цикл и вмешались исследователи, посредством генетических манипуляций затруднив превращение глутамин в глутамат только в дофаминовых нейронах [33]. В результате они получили животных без дефектов в развитии с нормальными дофаминовыми нейронами, выделяющими дофамин так же, как нейроны обычных мышей, но при этом с ослабленной ко-трансмиссией глутамата. Эмоциональное и двигательное поведение этих мышей было нормальным, более того, можно было говорить о фенотипе, устойчивом к развитию психоза. Так, например, животные демонстрировали большее латентное торможение по сравнению с мышами, не подвергавшимися генетической модификации (как мы ранее отмечали, у больных шизофренией латентное торможение ослаблено). Следовательно, к развитию заболевания могут быть причастны и особенности совместного выделения глутамата и дофамина дофаминергическими нейронами.

Я сюда с коллегами задалась вопросом о том, возможно ли выявить определенную область мозга, в первую очередь ответственную за нарушения и критичную в механизме развития заболевания [43]. Отдавая дань накапливающимся подтверждениям глутаматной гипотезы шизофрении, они попытались повлиять на NMDA-рецепторы. Свое внимание они направили на интраламинарную группу ядер таламуса, имеющих тесную связь как со стриатумом, так и с префронтальной корой, то есть, со структурами определенно причастными к развитию заболевания.

Также ранее были показаны некоторые изменения в клетках этих ядер при шизофрении. Количество NMDA-рецепторов в этих ядрах выше, по сравнению с другими таламическими ядрами. Исследователи создали линию нокаутных мышей, у которых был нарушен ген, отвечающий за синтез одной из субъединиц типичного для этих ядер NMDA-рецептора. В результате у этих мышей нейроны интраламинарных ядер таламуса остались без NMDA-рецепторов. Было обнаружено, что такие животные демонстрируют множество проявлений, подобных тем, что наблюдаются при шизофрении (подобный шизофрении фенотип).

Таким образом, поиски вокруг гипотезы об эфферентной копии приносят несомненно значимые результаты. Но при исследовании возможных нарушений на разных

уровнях организации важно понимать, что речь идет о «поломке» очень тонко настроенного наисложнейшего инструмента; и возможно, ответ на вопрос о причинах болезни находится в области понимания тонкостей его организации, или даже – в области действия любви, свободы и ответственности, а не в области обнаружения дефектов. И пусть в завершении снова прозвучит вопрос Л. С. Выготского: «Шизофрения – болезнь вершин или глубин личности?» [1].

Библиографический список:

1. Выготский Л. С. Записные книжки Л. С. Выготского // Избранное. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2017. 608 с.
2. Гоголь Н. В. Собрание сочинений в двух томах. Том 2. М.: Полиграфресурсы, 1999. 640 с.
3. Ивлиева Н. Ю. Роль стриатума в организации произвольного движения // Журнал высшей нервной деятельности. 2021. №71 (2). С. 164–183.
4. Клиническая психология. / под ред. М.Перре, У.Бауманна. 2-е междунар. изд. М. и др.: Питер, 2007. 944 с.
5. Лаувенг А. Завтра я всегда бывала львом / Пер. с норв. Самара: ИД «Бахрах-М», 2009. 288 с.
6. Макклин Г. Самая прекрасная земля на свете / Пер. с английского. СПб.: Азбука, 2013. 332 с.
7. Мосолов С. Н. Некоторые актуальные теоретические проблемы диагностики, классификации, нейробиологии и терапии шизофрении: сравнение зарубежного и отечественного подходов // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2010. №110 (6). С. 4-11.
8. Назар С. Игры разума. История жизни Джона Нэша, гениального математика и лауреата Нобелевской премии. М.: АСТ CORPUS, 2016. 747 с.
9. О'Брайен Б. «Необыкновенное путешествие в безумие и обратно: Операторы и Вещи». Москва: Класс. 1996. 144 с.
10. Торри Э. Ф. Шизофрения (книга в помощь врачам, пациентам и членам их семей). СПб.: «Питер», 1996. 438 с.
11. Bell V. Derationalizing Delusions / V. Bell, N. Raihani, S. Wilkinson // Clinical Psychological Science. 2021. №9 (1). Pp. 24-37.

12. Berridge K. What is the role of dopamine in reward: hedonic impact, reward learning, or incentive salience? / K. Berridge, T. Robinson // *Brain Research reviews*. 1998. №28 (3). Pp. 309-369.
13. Corlett P. From prediction error to psychosis: ketamine as a pharmacological model of delusions. / P. Corlett, G. Honey, P. Fletcher // *Journal of Psychopharmacology*. 2007. №21 (3). Pp. 238-252.
14. Corlett P. Prediction error, ketamine and psychosis: An updated model. / P. Corlett, G. Honey, P. Fletcher // *Journal of Psychopharmacology*. 2016. №30 (11). Pp. 1145-1155.
15. Daberkow D. Amphetamine paradoxically augments exocytotic dopamine release and phasic dopamine signals. / D. Daberkow, H. Brown, K. Bunner // *Nature Neuroscience*. 2013. №33 (2). Pp. 452-463.
16. Davis K. Dopamine in schizophrenia: a review and reconceptualization. / K. Davis, R. Kahn, G. Ko, Davidson M. // *American Journal of Psychiatry*. 1991. №148. Pp. 1474-1486.
17. Diederer K. Scaling prediction errors to reward variability benefits error-driven learning in humans. / K. Diederer, W. Schultz // *Journal of Neurophysiology*. 2015. №114. Pp. 1628–1640.
18. FitzGerald T. Dopamine, reward learning, and active inference. *Front. Comput.* / T. FitzGerald, R. Dolan, K. Friston // *Nature Neuroscience*. 2015. №9. P. 136.
19. Foley C. Genetics of Schizophrenia: Ready to Translate? / C. Foley, A. Corvin, S. Nekarome // *Current Psychiatry Reports*. 2017. №19 (9). P.61.
20. Fusar-Poli P. Deconstructing vulnerability for psychosis: Meta-analysis of environmental risk factors for psychosis in subjects at ultra high-risk. / P. Fusar-Poli, M. Tantardini, S. De Simone // *European Psychiatry*. 2017. №40. Pp. 65-75.
21. GBD 2017 Disease and Injury Incidence and Prevalence Collaborators. Global, regional, and national incidence, prevalence, and years lived with disability for 354 diseases and injuries for 195 countries and territories, 1990-2017: a systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2017 // *Lancet*. 2018. №392 (10159). Pp. 1789-1858.
22. Gomes F. Beyond Dopamine Receptor Antagonism: New Targets for Schizophrenia Treatment and Prevention. / F. Gomes, A. Grace // *International Journal of Molecular Sciences*. 2021. №22 (9). P. 4467.

23. Ham S. Drug Abuse and Psychosis: New Insights into Drug-induced Psychosis. / S. Ham, T. Kim, S. Chung, H. Im // *Experimental Neurobiology*. 2017. №26 (1). Pp. 11-24.
24. Honsberger M. J. Memories reactivated under ketamine are subsequently stronger: a potential pre-clinical behavioral model of psychosis / M Honsberber, J. Taylor, P. Corlett // *Schizophrenia Research*. 2015. №164. Pp. 227–233.
25. Howes O. The dopamine hypothesis of schizophrenia: version III – the final common pathway / O. Howes, S. Kapur // *Schizophrenia Bulletin*. 2009. №35 (3). Pp. 549-562.
26. Insel T. Rethinking schizophrenia // *Nature*. 2010. №468 (7321). Pp. 187-193.
27. Kapur S. Psychosis as a state of aberrant salience: a framework linking biology, phenomenology, and pharmacology in schizophrenia // *American Journal of Psychiatry*. 2003. №160 (1). Pp. 13-23.
28. Kean C. Silencing the self: schizophrenia as a self-disturbance // *Schizophrenia Bulletin*. 2009. №35 (6). Pp. 1034-1036.
29. Maia T. An Integrative Perspective on the Role of Dopamine in Schizophrenia. T. Maia, M. Frank // *Biological Psychiatry*. 2017. №81 (1). Pp. 52-66.
30. Marsden C. Dopamine: the rewarding years // *British Journal of Pharmacology*. 2006. №147 (1). Pp. 136-44.
31. McCutcheon R. Schizophrenia, Dopamine and the Striatum: From Biology to Symptoms / R. McCutcheon, A. Abi-Dargham, O. Howes // *Trends in Neurosciences*. 2019. №42 (3). Pp. 205-220.
32. Millan M. Altering the course of schizophrenia: progress and perspectives / M. Millan, A. Andrieux, G. Bartzokis // *Nature Reviews Drug Discovery*. 2016. №15 (7). Pp. 485-515.
33. Mingote S. Dopamine neuron dependent behaviors mediated by glutamate cotransmission [Электронный ресурс] / S. Mingote, N. Chuhma, A. Kalmbach // *ELife*. 2017. №6. Режим доступа: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/28703706/> (дата обращения: 18.05.2022).
34. Parnas J. EASE: Examination of Anomalous Self-Experience / J. Parnas, P. Møller, T. Kircher // *Psychopathology*. 2005. №5. Pp. 236-258.
35. Parnas J. A disappearing heritage: the clinical core of schizophrenia // *Schizophrenia Bulletin*. 2011. №37 (6). Pp. 1121-1130.
36. Redgrave P. The short-latency dopamine signal: a role in discovering novel actions? / P. Redgrave, K. Gurney // *Nature Reviews Neuroscience*. 2006. №7. Pp. 967-975.

37. Seeman M. History of the dopamine hypothesis of antipsychotic action // *World Journal of Psychiatry*. 2021. №11 (7). Pp.355-364.
38. Shergill S. Two eyes for an eye: the neuroscience of force escalation / S. Shergill, P. Bays, C. Frith, D. Wolpert // *Science*. 2003. №301 (5630). P. 187.
39. Shergill S. Evidence for sensory prediction deficits in schizophrenia / S. Shergill, G. Samson, P. Bays // *American Journal of Psychiatry*. 2005. №162. Pp. 2384–2386.
40. Stompe T. Old wine in new bottles? Stability and plasticity of the contents of schizophrenic delusions. / T. Stompe, G. Ortwein-Swoboda, K. Ritter // *Psychopathology*. 2003. №36. Pp. 6–12.
41. Wall N. Differential innervation of direct- and indirect-pathway striatal projection neurons / N. Wall, M. De La Parra, E. Callaway, A. Kreitzer // *Neuron*. 2013. №79 (2). Pp. 347-360.
42. Wolpert D. An internal model for sensorimotor integration / D. Wolpert, Z. Ghahramani, M. Jordan // *Science*. 1995. №269 (5232). P. 1880-1882.
43. Yasuda K. Schizophrenia-like phenotypes in mice with NMDA receptor ablation in intralaminar thalamic nucleus cells and gene therapy-based reversal in adults / K. Yasuda, Y. Hayashi, T. Yoshida // *Transl Psychiatry*. 2017. №7 (2). P. 1047.

N. Yu. Ivlieva. Dopamine and schizophrenia

Schizophrenia is recognized as the «worst human disease», it is closely studied, however, in general, the therapeutic results obtained in the studies are assessed as «very modest»; the etiology of the disease has not been determined. There are more and more new theories of the development of the disease, but the dopamine theory remains important. The paper considers the evolution of the dopamine theory of schizophrenia, as well as the ways of its contact with studies of the abnormal experience of the «Self».

Keywords: dopamine, schizophrenia, disease, psychosis, delusion, dopamine receptors, striatum, brain, antipsychotics, neuron.

УДК 159.9.072

А. Н. Долженко

**Феноменология отката у дошкольников (при спонтанном становлении
деятельности)**

Аннотация

В статье представлены результаты исследования спонтанной деятельности у старших дошкольников с целью контроля явления отката, который всякий раз имеет место при минимальных затруднениях ребенка в попытке сориентироваться в меняющейся ситуации развития. Экспериментальная схема исследования нацелена на анализ двух дошкольных групп в ходе занятий по живописи и спонтанной детской игре, а также в общении детей в детском саду. Показано, что откат у дошкольников выступает частым явлением при недостаточно организованной и контролируемой со стороны взрослых деятельности детей, а выход из отката зависит от возможностей ребенка сориентироваться в ситуации затруднений разного рода.

Ключевые слова: спонтанная деятельность, развитие, откат, ориентировка, опосредствование, психология развития, дошкольники, игровая деятельность, продуктивные виды деятельности.

Об авторе: Долженко Анастасия Николаевна, старший преподаватель кафедры клинической психологии Государственного университета «Дубна», эл. почта: anastation_93@mail.ru

Ряд наших исследований был сфокусирован на сущности, типологии откатов в детском развитии (при нормативном и нарушенном вариантах развития), а также на условиях и вариантах генезиса отката [10; 11]. В данной статье мы проследим откатную феноменологию у дошкольников в ходе спонтанной игры и занятий по живописи. Вслед за П. Я. Гальпериным мы понимаем психику ребенка как ориентировку в окружающем пространстве, в отношениях со взрослым, в себе самом, в овладении средствами, которые помогают разрешению актуальных для ребенка задач в его социальной ситуации развития. Откат представляет собой момент динамики детского поведения, когда имеющиеся или

находящиеся в становлении средства ориентировки оказываются недостаточными для разрешения ребенком актуальной задачи, а развертывание полноценной ориентировки или получение помощи от взрослого по разным причинам затруднено.

Классические и современные работы по детскому развитию отечественных и зарубежных авторов буквально пестрят феноменологией и примерами отката, обнаруживаемыми лишь при должном внимании исследователя и педагога. Затруднения ребенка (и откат как их следствие) обнаруживаются как в практике систематического обучения, формирования новых действий, реабилитации (либо абилитации) при нормативном и аномальном развитии, так и в спонтанном становлении игры и новообразований в ситуациях, где оказываются неучтенными многие существенные обстоятельства и переменные детского развития. Таким образом, откат – это такой же неизбежный спутник любого акта развития, как и появление новообразования и овладение новым средством ориентировки.

Гальперин указывал, что понятие «спонтанности» развития несет в себе определенную долю ограничений, поскольку сводит само развитие (как, например, у Пиаже) к неконтролируемому, и, стало быть, не исследуемому самодвижению и саморазвертыванию внутренних структур [5; 6]. Постулируя вслед за Л. С. Выготским заданность психики извне, через систему культурных ориентиров, и возникновение новообразований посредством интериоризации, Гальперин писал: «верно, что усвоение происходит только через собственную деятельность, но она сама должна быть сформирована, а следовательно, и организована» [1, с. 4].

Важнейшая антитеза, определенная Гальпериным, состояла в том, что помимо формирования новообразований, должно быть учтено и спонтанное становление с его естественными и множественными условиями, которые невозможно детально смоделировать в психологическом формирующем эксперименте. Учет спонтанного становления и формирующего эксперимента, таким образом, задают универсум понимания в общем виде становления тех или иных психологических форм.

Спонтанная деятельность дошкольников наилучшим образом представляется в игре, общении и продуктивных видах деятельности (живопись, лепка, театр и т.д.). Традиция рассматривать и изучать детскую игру и детское общение с принятием во внимание широкого круга условий их становления основательно представлена в исследованиях Д. Б. Эльконина и его учеников. В их работах как среди младших, так и среди старших дошкольников мы можем обнаружить различные варианты отката, ухода

ребенка от игры при видоизменении игрового материала, задачи или правила, невозможность самостоятельно построить или развернуть сюжет, разрешить сложившееся противоречие или конфликт, трудности с вступлением в игру, проявляющиеся в стеснительности, нерешительности ребенка вплоть до отказа от игры [12].

Во многих зарубежных исследованиях, посвященных анализу детской игры превалирует в основном описательный подход [5; 6; 12; 13; 14; 15; 16]. Создается типология игр и игровых действий у дошкольников, проводится анализ игровых возможностей и предпочтений детей на том или ином этапе развития, их связь с ролью и позицией родителя или воспитателя, признается важность участия взрослого в игре с постепенным снижением его значения в организации детской игры – на основе наблюдений предполагается, что естественным образом дети с возрастом чаще играют сами, а участие взрослых в игре становится минимальным. Исследователем М. Parten описываются такие варианты позиции ребенка в игре как ребенок-наблюдатель, незанятый ребенок, ребенок-подчиненный в игре, в том числе можно встретить побочное описание различных феноменов деструкции, входа и выхода из игры, превалирование в тех или иных группах индивидуальных игр [14].

Наша практика показывает, что ребенок может менять эти позиции в течение короткого времени – часа или нескольких дней, сегодня – активный участник, а завтра – отстраненный наблюдатель, однако чаще всего остается скрытой природа таких изменений. Более того, наше исследование показывает, что даже в старшем дошкольном возрасте спонтанная игра детей, свободная от организующей роли взрослого, бедна по содержанию и операциональной части, осуществляется на более низком по сравнению с реальными возможностями детей уровне. Чтобы понять, что лежит в основе подобных изменений, необходимо учитывать широкий контекст деятельности, условия смены возможностей ребенка, используемые им средства для организации деятельности и многое другое. В конечном счете, только прослеживание процесса, а не (или не только) результата может стать ключом к описанию и пониманию скрытых от взгляда исследователей моментов детского развития.

Рисование как продуктивный вид деятельности было хорошо представлено в ряде исследований В. С. Мухиной, указавшей на его сложный генез, постепенное овладение ребенком техническими средствами и эталонами описания окружающего мира через рисунок и передачи своего отношения к нему [8; 9]. Однако, описывая содержание детских рисунков, развитие их графической оформленности, автор не ставила задачу

прослеживания микрогенеза, потому и моменты отката в освоении этой деятельности ребенком остались в ее исследованиях скрыты. В теме развития общения у детей заметна та же самая проблема: несмотря на разнообразно представленную феноменологию детских интеракций, описание этапов развития общения (от самых первых форм к наиболее сложным), проблема микрогенеза не ставилась отдельно, поэтому в лучшем случае моменты отката мы можем увидеть через описание неудачных попыток построения общения, деструктивных его видов, временной потери и нестабильности имеющих у ребенка для построения взаимодействия средств [2; 3; 4; 7].

В 2017 и 2021 г. нами было проведено наблюдение за спонтанной игрой, рисованием и общением детей в двух группах. Первая группа была представлена 12 детьми от 5 до 6,8 лет с нормальным течением развития (на примере 11 занятий по живописи). Вторая группа была представлена 22 детьми в возрасте от 5,5 до 6,5 лет с нормальным течением развития (на примере 10 занятий в рамках часа спонтанной игры в группе дошкольников в ДОУ).

В первой группе нам было важно проследить, какое изменение претерпевает художественное творчество ребенка в течение занятий, какую функцию для него несет в себе рисунок, в том числе зафиксировать варианты откатной феноменологии и условия ее появления в ходе занятий.

Таблица 1. Распределение детей в первой группе по возрасту, полу.

Возраст	Кол-во девочек	Кол-во мальчиков
5-6 лет	3	3
6-7 лет	3	3

Подход преподавателя по живописи на данных встречах можно охарактеризовать как мягкий, демократичный, вовсе не догматичный по стилю взаимодействия, а развертывание средств и ориентиров не было построено по жесткой схеме – ориентиры задавались в общем виде, средства вводились точно, в виду разности в возможностях детей – не всегда системно, нередко сводясь к формуле «лучше с мотивацией и плохим рисунком, чем без нее и с отточенной техникой».

Возможности принятия и освоения вводимых средств различались от ребенка к ребенку, при этом в структуре занятия можно было заметить множество моментов именно спонтанной творческой деятельности детей без довлеющего над ними преподавателя. Структура занятия была построена следующим образом: преподаватель задавал тему,

раскрывая и вводя самые необходимые ориентиры и средства в исполнительной части на примере готового продукта, а далее намечал алгоритм выполнения задачи и осуществлял необходимые шаги на пути к его получению. На каждом из этапов преподаватель в общем виде контролировал и направлял рисование детей в сторону реализации задуманного плана, но не директивным способом (предполагалась вариативность в использовании техник, сюжета, цветовых сочетаний и т.д., в зависимости от личных предпочтений детей).

В ходе исследования нами были выявлены следующие формы отката:

- «экспериментирование» (ребенок пытается открыть для себя значение цвета, оттенков, материала, поэтому пробует различные виды, формы, сочетания, в том числе заглядываясь на действия других детей, поэтому не успевает, часто бывает неаккуратен, заканчивает рисунок в спешке);

- «уход в общение», когда взаимодействие с другим ребенком или со взрослым становится важнее рисунка (это явление особенно часто наблюдалось при увеличении группы, которая нередко и выступала одним из условий отката);

- «регрессия» (так, один из мальчиков (И. С., 5 лет 8 мес.) часто мог «сюсюкаться», говорить тихим и жалобным голосом в момент, когда обращался за помощью или разъяснением к ведущей занятия, хотя в остальное время (и к ней же) обращение не носило подобного характера);

- откат мотивационного и эмоционального типа: нежелание принимать задачу, уход от задания, отвлечение на посторонние темы – эти формы часто были обусловлены эмоциональностью ребенка, настроением, непривлекательностью темы, чем-то внутренне переживаемым, когда рисунок для ребенка отходил на второй план. Так, у одной из девочек (М. В., 5 лет) откат на занятии, по словам ведущей, в технике рисунка, прорисовке, оценке своей работы, был возможен из-за того, что до этого она посещала занятие, в рамках которого была та же тема. Сам рисунок девочка выполнила по-другому, но под конец потеряла интерес и старалась поскорее закончить.

Кроме того, условиями наступления отката оказались:

- досадное событие, произошедшее накануне занятия, в которое ребенок оказывался погружен на момент занятия. Например, ссора с родителем или со сверстником, отмена предстоящей поездки или занятия, которые ребенок долго ожидал;

- ребенок оказывался под влиянием эмоционального переживания, оказывающегося неадекватным решаемой на занятии задаче – хочет играть, гулять, а его заставляют идти на занятие;
- большая численность группы – отвлекающий, часто шумный фон, истощающий внимание ребенка, не позволяющий иногда услышать инструкцию, «перетягивание» ведущего от одного ребенка к другому и недоступность помощи по его просьбе;
- недостаточная ориентировка ребенка в теме, материале, технике выполнения;
- появление новых мотивов и нового отношения к рисунку, откуда вытекает и экспериментирование, и попытка сделать очень хорошо, вдаваясь в прорисовку отдельных деталей в ущерб целостности рисунка;
- временные ограничения, поскольку часто дети не успевали дорисовать задуманный рисунок, вследствие чего последние шаги и штрихи делались из принципа «и так сойдет»;
- сложность композиции (не соответствующая возможностям ребенка, либо замах на исполнение сложной композиции при недостатке времени).

По результатам наблюдения за взаимодействием ведущей и детей важным и единственным выводом для нас стал следующий тезис: при достройке (перестройке) ориентировки ребенка, как эмоциональной оценки ребенка, так и технического оснащения, понимания материала и способов работы с ним происходила моментально реализующаяся пробующая деятельность, и при условии достаточности средств у ребенка – повышение продуктивности и результативности работы. В том случае, когда по определенным причинам эта ориентировка не была создана, достроена, мотивационные и технические показатели падали, а на первый план часто выходила инициатива общения.

Еще одним важным наблюдением оказался тот факт, что для детей дошкольного возраста рисунок представляет собою скорее средство моделирования ситуаций, средство взаимодействия с другим, а иногда и пробы своих возможностей. Именно поэтому техническая сторона рисунка у всех детей «хромала», а задача прорисовки, детализации, реалистичности изображения не ставилась как основная – тому виной и несформированная в этом возрасте на достаточном уровне произвольность. По результатам анализа лишь у одной девочки (А. П., 7 лет), которая на тот момент являлась

уже ученицей первого класса, эта задача прорисовки, длительного планирования рисунка в неявном виде начинала проступать на некоторых занятиях.

Показательным было одно из занятий, ходе которого ставилась задача нарисовать зимний пейзаж (с перспективой). Так, у И. С. (мальчик, 5 лет 8 мес.) появился откат на рациональную тему (общался, всех отвлекал, легко вступал в любой разговор, рисунок был для него не важен). У М. В. (девочка 5 лет) тоже был обнаружен откат, она так и не смогла освоить перспективу, но важным моментом явилось экспериментирование В. с цветами (из-за чего она не успевала уделить внимание большей части рисунка).

У другого мальчика (С. П., 6 лет) откат был замечен в технике и композиции. Но и здесь стоит отметить интересное наблюдение: С. П. долго рисовал героя, пытаясь прорисовать его детально, соревновался с другими ребятами, у кого лучше и “круче” получится герой. Но в тот момент, когда он принялся за краски, ему не хватило технической оснащенности в их использовании, в результате чего рисунок был сильно подпорчен неумелым закрашиванием. После чего мальчик стал торопиться, в целом был неаккуратен, а в конце занятия заявил об усталости. Но, видимо, важную для себя задачу, на которую он сместился в процессе занятия (а именно, создание героя и особой, связанной с ним истории), он выполнил.

Во второй группе наблюдение осуществлялось в рамках спонтанной игры у детей средней группы детского сада с апреля по май 2021 г., совместно со студентами кафедры клинической психологии университета «Дубна» – Абаниной А. А., Волождиной В. Р., Козенцевой П. Д. Состав детской группы был разнороден по национальности, семейным условиям (полные и неполные, многодетные и не многодетные семьи, обеспеченные и малообеспеченные), возрасту (от 5,5 до 6,5 лет). Наблюдение проводилось за всей детской группой (22 ребенка), в то время как лишь с частью родителей (из числа подписавших согласие на работу с детьми) была проведена беседа с целью сбора дополнительной информации об истории развития ребенка, особенностях ССР (всего 13 детей из 22-х).

Таблица 2. Распределение детей во второй группе по возрасту, полу, наличию дополнительной информации об истории развития.

Возраст	Кол-во девочек	Кол-во мальчиков	Собрана история развития (в беседе с родителями)
5-6 лет	9	8	11
6-7 лет	3	2	2

Для наблюдения не случайным образом был выбран именно утренний период (8.00-9.00). В это время в детском саду дети обычно предоставлены сами себе, игра практически никак не направлялась воспитателем, за исключением острых конфликтов между детьми или случаев коллективного баловства, дети организовывали свой досуг самостоятельно, что для нас было замечательной возможностью проникнуть в пространство детской игры, проследить ее создание, вариативность по форме и содержанию и даже ее разрушение. Детям разрешалось использовать большую часть игрушек, расположенных в игровом пространстве – некоторые, особо ценные или находящиеся в ящиках, воспитатель раздавал по своему усмотрению или по просьбе детей.

Как правило, воспитатель не задавал направление игры, не предлагал варианты сюжета, предоставляя детям возможность самостоятельного выбора (как индивидуальной, так и совместной игры). Если ребенок не знал, чем себя занять, и подходил целенаправленно с этим вопросом к воспитателю, в таком случае ребенку предлагалась методическая игра, задача (рисование, лепка, методики на конструктивную деятельность, обобщение и т.д.). Кроме того, с 8 утра начинался завтрак, и некоторые вновь пришедшие или опоздавшие дети сначала ели, а уже затем вступали в игру. Таким образом, наблюдение некоторых детей могло составлять от минимум 10 минут до полноценного часа, если ребенок приходил раньше 8:00.

На игровую комнату были предоставлены два (реже три) наблюдателя, каждый из которых занимал позицию в одном из противоположных углов комнаты и имел хороший обзор и слышимость происходящего. Еще один наблюдатель находился в раздевалке (перед входом в игровую комнату) и фиксировал приход детей, процесс переодевания, прощания с родителями и захода в группу. Все наблюдатели избегали активного прямого речевого контакта с детьми, не вмешивались в ход их игры, на внимание со стороны детей отвечали максимум улыбкой и переводили взгляд на другого ребенка. В большинстве своем дети не обращали внимание на присутствие протоколистов, не стремились вступить с ними в контакт.

По итогам качественного анализа материалов исследования в данной группе практически у всех детей так или иначе были зафиксированы следующие формы откатной феноменологии:

- снижение показателей игры (отказ от принятия роли или недолгое ее удержание по сравнению с предшествующими днями, превалирование в течение дня

более простой (предметной, двигательной, эмоциональной) игры при доступности сюжетно-ролевой, внезапные уходы из игры (нередко эмоционального типа), снижение показателей инициативности в игре, деструктивность в игре);

- снижение показателей общения и взаимодействия (уход или избегание общения, отстраненность во взаимодействии, нарастание эмоциональных форм общения, «подначивания» или провокаций другого (сверстника, воспитателя));

- снижение показателей исполнительной части действий (небрежность, неаккуратность, сужение алгоритма действий в задачах на продуктивные, конструктивные виды деятельности).

Условия, предшествующие откатам:

- ссора с родителем перед входом в группу или неправильно оформленное (нередко ритуализированное) расставание с ним, запускающее негативные эмоциональные реакции ребенка (подавленность, обиду, истерики и т.д.), дезориентировка в эмоциональности воспитателя или сверстника (в раздевалке);

- предшествующие досадные или травматичные (дезориентирующие ребенка) события; например, разыгравшийся на глазах у всех энкопрез у одного из детей (встреченный беспокойством и комментариями со стороны нянечки и воспитателя,) стал условием затрудненного в последующие дни вхождения в группу (ребенок долгое время жался в раздевалке, не решался зайти в группу, а когда заходил, «пулей» мчался мыть руки в ванную, стараясь ни на кого не смотреть, и далее весь день держался отстраненно от остальных детей);

- изменение привычных условий взаимодействия; например, у нескольких детей уровень игры и сложность ее организации зависел от наличия особых, постоянных партнёров (при их отсутствии в группе такие дети играли в одиночестве, отстраненно наблюдали за разыгрывающимися в группе действиями других детей и воспитателя, а если и включались в игры с другими детьми, то при этом переходили на более простой уровень игровых действий).

Рассмотрим подробнее перечисленную выше феноменологию отката на примере нескольких конкретных случаев. Сначала попробуем проследить условия ее возникновения у одного из мальчиков группы в один из наблюдаемых дней. В течение часа он старался построить взаимодействие с другими детьми, но нередко встречал отказ (те были заняты своими играми, в основном методическими), а также получал замечания воспитателя относительно «неправильных» или «мешающих другим» играх. В результате

ребенок нередко для построения взаимодействия использовал различные формы эмоционально окрашенной деструкции в игре, баловства, провокации и подначивания в общении, которые на время действительно привлекали всеобщее внимание.

Пример 1. «Ж. подошел к В. показать свою игрушку (Черепашку-Ниндзя). Дети несколько минут играли вместе (В. «врезался» игрушкой в Ж., а тот уклонялся). Далее Ж. вышел из игры и стал строить пирамидку из кубиков, а В. поблизости начал рушить кукольный домик внутри, устраивая беспорядок, закидывал жильцов в окно дома крича: «Помогите! Мы в клетке!!», сотрясая дом Черепашкой и посматривая на Ж. (4 мин.). Столкнувшись с неуспехом в попытках вовлечь другого мальчика в свои игры, В. подошел к столу, где пара детей собирали кубики Коса. За этим последовало замечание воспитателя: «Ты пришел собирать кубики или мешать?» В. неуверенно: «Я посмотреть». Когда В. взял в руки кубик и стал его рассматривать, воспитатель расценила это как попытку вмешательства: «Я так и думала, что ты будешь мешать», – и отослала мальчика играть «где-то в другом месте».

Мы можем констатировать узкий спектр и незначительную эффективность имеющихся у ребенка средств для построения взаимодействия как со сверстником, так и с воспитателем. Стоит отметить, что на протяжении всех занятий именно В. чаще всего вызывал остальных детей на взаимодействие, становился зачинщиком разного рода игр (чаще всего – эмоционально окрашенных), однако используемые им способы построения взаимодействия не всегда были эффективны в тех случаях, когда дети были увлечены другим занятием, были не в настроении или не понимали, как поддержать это обращение и расценивали его слишком дискомфортным (как в примере выше, когда В. «врезался» игрушкой в Ж., и примере ниже).

«В. снова обратился к Ж., пытаясь вовлечь в игру: «Спасай Черепашку-Ниндзя!», но тот никак не откликнулся на призыв, и В. продолжил играть самостоятельно в течение нескольких минут. Далее мальчик подошел показать свою игрушку компании других детей, собирающих конструктор (с кем он часто играет на занятиях). Все попытки В. завлечь остальных ребят (эмоционального обыгрывания сюжета, моделирования обстрела одного из мальчиков из оружия) оказались тщетны: дети отмахивались от него, а Ж. сначала пригрозил жалобой на него воспитателю, а потом решительно ее осуществил. После замечания воспитателя В. снова стал играть один. Через 5 минут воспитатель попросил всех помыть руки перед завтраком. Все дети, кроме В., откликнулись на просьбу

и тут же прошли в туалетную комнату. Воспитателю пришлось настоять, после чего В. нехотя прошел за всеми».

В последующем дети несколько раз при попытке В. включиться в совместную деятельность повторяли «Мы с тобой не играем». Такая незадействованность в общей игре особым образом переживалась мальчиком. Он при каждом удобном случае старался повторно подойти к ребятам, предлагал разные игры («Угадай, что в руке», показывал новые игрушки, старался эмоционально спровоцировать на догонялки), даже смиренно наблюдал из-за шкафа за ними или демонстративно отыгрывал сон на кровати перед остальными ребятами «Я спать, не мешайте» и, как результат, происходило нарастание деструктивных паттернов в игре и взаимодействии (которые подхватывались некоторыми другими детьми), переход на более простые игровые действия без особого содержания и смысла.

«В. стал собирать деревянную горку (трамплин), но как только она оказалась собрана, В. потащил ее за собой и разрушил». Через 3 минуты: «В. разобрал куклу принцессы на две части, стал есть платье, делая вид и проговаривая, что ест «чи-то мозги». Это заметила Р., и когда В. оставил игрушку, Р. повторила то же — легла на ковер и стала грызть игрушечное пластмассовое платье (молча). В. заметил, что Ж. надел чешки и готовится к танцам, подходит к Ж. и трясет его. Через минуту В. начал показывать на объявления на стенде и что-то заговорщицки шептать на ухо Ж. Мальчики засмеялись и стали собираться на занятия танцами».

Следующий пример демонстрирует хронизированный характер отката у одной из девочек из словацкой семьи, переехавшей недавно в Россию. В семье только у папы и у старшей дочери был хороший разговорный русский язык, мама же общалась с детьми на словацком. С самого первого дня посещения детского сада у Р. отмечались проблемы с вхождением в группу, взаимодействием на развивающих и игровых занятиях со сверстниками и воспитателями. Девочка долго переодевалась, долго прощалась с родителями, не решалась зайти в группу без помощи взрослого, на занятиях держалась отстраненно, играла в углу (в основном предметная игра) или наблюдала за остальными детьми, была молчалива.

В середине исследования мы смогли зафиксировать интересный вариант ее взаимодействия в игре с другим ребенком. «Д. подошел к Р., дал ей машинку «Давай, у нас будет авария. Кати ее ко мне, а я к тебе». Р. внимательно, с улыбкой взяла машинку, но не поняла, что нужно делать, ожидая действий Д. Мальчик первый оттолкнул от себя

машинку. «Вот так кати, я тебе, ты мне. Давай, раз-два-три!», командовал Д. Дети погоняли машинки друг другу несколько раз, после чего Д. ушел к другим детям, а Р. снова осталась одна и продолжила рассматривать машинку». Казалось бы, успешный игровой опыт у Р. не стал началом развертывания индивидуальной или совместной предметной игры. В дальнейшем девочка все так же не знала, как завязать взаимодействие с остальными, являлась лишь наблюдателем их игр издалека или присутствовала рядом с ними, не будучи полноценно включенной в игру.

Описанные выше дети имели кардинально разный уровень развития игровой деятельности, различия и спектр возможностей построения взаимодействия со сверстником и взрослыми (Р. в данном случае и по зоне актуального, и по зоне ближайшего развития значительно уступала В.). Тем не менее, за наблюдаемыми у них проявлениями отката видятся общие тенденции: падение мотивации, эмоциональная демонстрация неприятия другого, возврат к старым (и в этом смысле не всегда успешным) способам и средствам построения взаимодействия, снижение показателей эффективности игры и т.д., в которых нами угадывается живая ткань развития с систематически присутствующими (в виду стихийности, плохой контролируемости процесса) и долго не преодолеваемыми (хронизирующимися) препятствиями.

Интересную феноменологию взаимодействия детей и их близких удалось зафиксировать в том числе и в раздевалке, из чего становится понятным наше утверждение о влиянии досадного события на эмоциональность ребенка, ритуализацию как условие поддержания отката. Приведем ряд выдержек из протоколов, наглядно иллюстрирующих некоторые наши наблюдения.

Пример 2. «К. раздевалась самостоятельно, бабушка комментировала неправильность действий ребенка («Ты чего, зонт у батареи высохнет, нужно за шкаф поставить», «Ты неправильно сложила маечку, она мятая, я сейчас сложу как надо, ты еще не умеешь»), на что К. нередко отыгрывала протест («А зонтику хочется именно у батареи постоять», «Нет, ты не знаешь, я обычно так делаю»), либо игнорировала бабушку, после чего хмуро зашла в группу».

Примечательно, что подобной протестной картины мы не видели в других случаях, когда данного ребенка приводили родители или сосед семьи, привозящий К. вместе со своей дочерью в группу, ребенок без бабушки переодевается аккуратно и самостоятельно, расставляет и раскладывает вещи, обувь по местам, в бодром и приятном расположении духа заходит в группу.

Пример 3. «После переодевания О. застыла в ожидании. В этот раз мама попрощалась с ней около шкафчика, подтолкнула девочку к входу в группу и пошла к выходу. Девочка, сделав пару шагов, остановилась у двери и на приветственном слове сидящего за столом воспитателя метнулась обратно за мамой. Мама ввела девочку в группу, передав ее в объятия воспитателя, после чего О. спокойно отпустила маму. В течение 3 минут девочка стояла около воспитателя, слушая его разговоры с детьми, не начиная общения и взаимодействия с другими. Далее по приглашению других девочек пошла играть в куклы».

По словам матери, у девочки всегда были трудности расставания с мамой и вхождением в группу – получалось ее отпустить только через включение в этот процесс воспитателя, а дальше такая форма ритуализировалась и до сих пор используется как единственная возможная. По нашим наблюдениям, это действительно можно назвать своего рода ритуалом (ригидной, жестко зафиксированной схемой ориентировки в данной ситуации). Ведь из раза в раз никаких новых средств приветствия, вхождения в группу, построения контакта взрослыми не приносилось, поэтому девочка использовала единственную доступную, понятную и рабочую схему – нарочито тревожно, сползая на регрессию (произносила только «ма», никаких просьб более не формулировала, в ход шла особая мимика (нахмуренность, поджатие губ и т.д., при отказе – начинала канючить, намечался плач)), требовала от взрослого обустроить его вход во взаимодействие с другими. Следует отметить, что у другого ребенка из этой группы схожая проблема с помощью родителя решилась иначе, ритуализировалась по-своему (приводим в качестве демонстрации выдержку из протокола):

Пример 4. «При прощании С. проводил маму до лестницы, и стоя наверху, несколько раз с заботой повторил маме: «Все, до вечера! Пока, мам! До вечера, все, пока! Пока, мам! До вечера!», продолжая повторять последние фразы несмотря на то, что мама уже скрылась за дверью, после чего зашел в группу». В ходе беседы с родителями удалось установить, что возникшую на первых походах в сад проблему с расставанием родитель решал поэтапно, перепробовал множество средств оформления данного ритуала, придя в итоге к такой форме, – тем не менее, такое затянутое и во многом тревожное со стороны ребенка прощание все еще беспокоит маму.

Следующие примеры иллюстрируют еще один очевидный и занятный факт: то, как дети систематически откатывались на предшествующие инфантильные позиции в таком простом и уже освоенном виде деятельности как переодевание. На гиперопеку в данных

случаях указывали высокие показатели по шкалам «Симбиоз» и «Маленький неудачник» в результатах «Опросника родительского отношения», составленные А. Я. Варго и В. В. Столиным, а также характеристика детско-родительских отношений, выявленная из беседы с родителями.

Пример 5. «П. приподняла платье за подол, но не сняла его, выжидающе и беспомощно смотрела на маму, после чего мама угадала просьбу ребенка и помогла ей. Девочка медленно, неохотно сняла сапоги, прекратила переодеваться и начала «стелиться» по лавочке, рассматривая шкафчики подруг, пока мама расписывалась в журнале посещения».

Пример 6. «Р. зашла через некоторое время после мамы, медленно и неспешно. Присела с мамой на скамью, долго и медленно раздевалась. Беззвучно показала маме на замок от куртки, беспомощно смотря на нее. Мама самостоятельно расстегнула куртку ребенку».

Пример 7. В первую неделю исследования: «Мама постоянно направляла ребенка (Л.), что и за чем должно следовать в процессе переодевания («Тугие сапоги, потяни сильнее, вот, молодец», перечисляла «куртка, теперь кофта»), хотя мальчик и без того опережал ее инструкции и был способен выполнять все самостоятельно. Мама убрала снятую обувь, на что ребенок ответил «Я сам хотел».

Та же самая диада через неделю (после перерыва в несколько дней в посещении сада ребенком): «Мама начала снимать сапоги, одежду Л, пока он поникший наблюдал за этим процессом или смотрел по сторонам. «Поможешь мне?», – попросила мама, но в итоге сняла обувь с ребенка сама, затем попросила «порепетировать», чтобы Л. сам надел и снял (тот через непродолжительную паузу и напоминания мамы выполнил просьбу без особого интереса и удовольствия, очень медленно и кое-как, оставив сапоги лежать на полу и ожидая дальнейших указаний от мамы)».

Таким образом, наши наблюдения в двух детских группах показывают, что откат – ситуативный и временный, хронический и систематический – может быть усмотрен в любой спонтанной деятельности детей, будь то продуктивная, творческая задача, ситуация общения со сверстником или близким, игра и даже освоение нового действия.

Различие же второй наблюдаемой группы с первой состоит в том, что в ней спонтанная игра как деятельность была практически полностью свободна от регулирующей и ориентирующей функции взрослого – воспитателя, как правило, не вмешивался, не направлял игру детей, в то время как в первой группе ведущий занятия

эпизодически приносил необходимые средства в момент затруднений у ребенка – дополнительное объяснение, демонстрацию примера, эталона, подсказку, влиял в том числе и на мотивацию ребенка с помощью подбадривания, похвалы, объяснения, что существенно, а что несущественно для рисунка, и это нередко работало на преодоление и предупреждение отката. Можно констатировать более систематический и хронизирующий характер отката в спонтанной деятельности в детских группах, не направляемых со стороны взрослого.

Безусловно, отсутствие постоянной связи с близким окружением ребенка для прослеживания нюансов мотивации, порою большая численность группы и невозможность уследить и усмотреть за каждым, отсутствие у некоторых родителей мотива взаимодействия с психологом не позволили нам проникнуть глубоко в контекст социального бытия ребенка. Именно поэтому часто причины отката оставались от нас скрыты, а невозможность вмешательства наблюдающего в процесс стала преградой к поиску средств преодоления откатов в рамках данных групп.

Однако данные наблюдения позволили в сопоставлении с данными об истории развития детей и характеристикой их социальной ситуации развития проследить некоторую связь возникающих эпизодических и систематических откатов с контекстом жизни ребенка и системой средств его ориентировки, которая требует дополнительного изучения.

Подводя итоги, отметим три существенных тезиса:

1) Формы и виды откатов разнообразны и зависят от многих переменных: предыстории и контекста происходящего, эмоционального состояния детей, включенности или не включенности во взаимодействие, мотивационных возможностей принятия задачи, органического, соматического состояния детей.

2) Откат появляется в условиях, когда необходимые формы и средства ориентировки в стоящей перед ребенком задаче им еще не найдены или находятся в становлении. Именно поэтому основной стратегией в организации выхода из отката должно стать преодоление сложившейся недостаточности ориентировки ребенка в ситуации или актуальной для него задаче.

3) Откаты в детском развитии могут быть лишь частично зафиксированы «срезовыми» методами. Используемые, например, в нашем исследовании включенное наблюдение, опросники родительского отношения, первичный сбор предыстории развития ребенка и его ССР позволили вскрыть немалый спектр откатной феноменологии

и в очень грубом виде, но очертить возможные условия наступления отката в рисовании, игре детей, их общении и взаимодействии между собой, с близкими и педагогом.

Тем не менее, «срезовые» экспериментальные процедуры несут в себе констатированное еще Гальпериным ограничение: они не позволяют увидеть явление в его истинной природе, ограничиваясь лишь анализом уже ставших, сложившихся форм, а значит, урезают для нас возможности наиболее полного феноменологического и функционального их изучения [1]. Именно поэтому движение в изучении отката должно быть направлено не на анализ результата, его конечной формы без анализа его становления, а с заходом на территорию микро- и макрогенеза с учетом как можно большего количества переменных. Тогда становится возможным с большей достоверностью вскрыть условия и причины, некоторые закономерности его наступления, а значит предвосхитить откат и более эффективно выстраивать развивающую, коррекционную работу.

Библиографический список:

1. Гальперин П. Я. Метод «срезов» и метод поэтапного формирования в исследовании детского мышления // Вопросы психологии. 1996. № 4. С. 128-134.
2. Ендовицкая Т. В. Психология детей дошкольного возраста. Развитие познавательных процессов / Т. В. Ендовицкая, А. В. Запорожец, В. П. Зинченко, М. И. Лисина, Я. З. Неверович, Г. А. Репина, Л. Г. Рузская, Д. Б. Эльконин; под ред. А. В. Запорожца и Д. Б. Эльконина; Акад. пед. наук РСФСР, Ин-т психологии. М.: Просвещение, 1964. 350 с.
3. Запорожец А. В. Психология личности и деятельности дошкольника / А. В. Запорожец, Д. Б. Эльконин. Под ред. А.В. Запорожца, Д.Б. Эльконина. М.: Просвещение, 1965. 295 с.
4. Лисина М. И. Общение, личность и психика ребенка. М.: МПСИ; Воронеж: НПО МОДЭК, 1997. 390 с.
5. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Международная педагогическая академия, 1994. 680 с.
6. Пиаже Ж. Речь и мышление ребёнка. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 527 с.
7. Мухина В. С. Детская психология: учеб. для студентов пед. ин-тов / Под ред. Л. А. Венгера. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1985. 272 с.

8. Мухина В. С. Изобразительная деятельность ребенка как форма усвоения социального опыта. М.: Педагогика, 1981. 240 с.
9. Мухина В. С. Генезис изобразительной деятельности ребенка: автореферат / В.С. Мухина. М.: АПН СССР, 1972. 39 с.
10. Хозиев В. Б. «Откат» в детском развитии как объект психологического исследования. / В. Б. Хозиев, А. Н. Долженко // Психолог. 2021. № 1. С. 1-22.
11. Хозиев В. Б. «Откат» в детском развитии: общая феноменология и принципы исследования / В. Б. Хозиев, А. Н. Долженко // Вестник государственного университета Дубна. Серия: Науки о человеке и обществе. 2017. № 2 (4). С. 40-54.
12. Эльконин Д. Б. Психология игры. М.: Владос, 1999. 360 с.
13. Bergen D. Psychological Approaches to the Study of Play // American Journal of Play. 2015. №8. Pp. 101-128.
14. Parten M. Social participation among pre-school children // The Journal of Abnormal and Social Psychology. 1932. №27 (3). Pp. 243–269.
15. Saxon T. (2000). Dyadic Interaction Profiles in Infancy and Preschool Intelligence / T. Saxon, J. Colombo, E. Robinson, J. Frick // Journal of School Psychology. 2020. №38 (1). Pp. 9–25.
16. Kenneth R. «Free-Play Behaviors in Preschool and Kindergarten Children» / R. Kenneth, K. Watson, T. Jambor // Child Development. 1978. №49 (2). Pp. 534–36.

Dolzhenko A. N. The phenomenology of rollback in preschoolers (in spontaneous activity)

The paper is concerned with a study of older preschooler's spontaneous activity. The subject matter of the study is the analysis of two children's groups (classroom of painting and spontaneous play activity and communication of children in kindergarten). The author traces and describes phenomena of rollback in child development. It is shown that rollback is too often phenomenon if an activity is organized not well or not guided from the adult's side. Overcoming of rollback is depends on child's abilities and its system of culture-specific tools used in difficult situation.

Keywords: spontaneous activity, development, rollback, orienting activity, mediation, developmental psychology, preschoolers, play, art.

УДК 159.9.07

А. В. Лякович

Траектория онтогенеза геймера

Аннотация:

В статье на примере одного консультативного случая рассматриваются некоторые аспекты патогенеза личности игромана, а также исследуется его личностная траектория в ходе игровой зависимости.

Ключевые слова: зависимость, игровая зависимость, интернет-зависимость, онтогенез, патогенез личности, инфантилизм, консультативный случай, социальная ситуация развития.

Об авторе: Лякович Анна Владимировна, аспирант кафедры клинической психологии, Государственный университет «Дубна»; эл. почта: livia-lav@mail.ru

На сегодняшний день самая сильная в психологии концепция онтогенеза принадлежит Л. С. Выготскому [4; 5]. Выготский охарактеризовал онтогенез как «наслаивание» культуры на примитивный пласт скудной биологической данности. По его мнению, история показала, как именно в процессе жизни в обществе у человека сформировались и развились не только принципиально новые потребности, но и пришло осознание движущих сил собственного поведения. Среда же, в которой рос человек, выступала источником развития, формируя высшие психические функции (далее ВПФ, введенное Выготским понятие для обозначения особого уровня освоения человеком культурных функций: мышления, памяти, внимания и др.). ВПФ выступали как средство для принятия культурного опыта через общение и взаимодействие с его окружением (далее ССР – социальная ситуация развития) и уже затем как сформированная индивидуальная функция.

Если мы обратились бы к женщинам, которые в ближайшие три года стали матерями с вопросом о том, как их ребенок разговаривал, то наверняка получили бы развернутый рассказ о том, как сначала малыш кричал, когда испытывал дискомфорт. Затем начал реагировать на мать разными вокализациями. Позже стал повторять за ней подобию слов. Ещё позже овладел слогами, словами и теперь, к трем годам, он может

жестом и речью объяснить ей, что ему необходимо. Таким образом, ребенок не только овладел функцией речи, но и развил интеллектуальную функцию, что, по Выготскому, является важным культурным следствием новообразований. Результатами его трудов стала культурно-историческая концепция, приверженцами которой мы и являемся.

Наша идея, базирующаяся на представлениях о культурном онтогенезе человека Выготского, звучит следующим образом: именно в онтогенезе из-за ССР начинает формироваться инфантилизм. И затем сам инфантилизм уже вторично собирает дань со всех видов и форм человеческого бытия, заставляя геймера быть зависимым в той или иной форме. Но почему именно геймерство, а не наркомания, шопоголизм, алкоголизм? Каким образом траектория онтогенеза задаёт вектор предпочтений в выборе пагубного пристрастия? Почему происходит выбор в пользу игры, но не других видов зависимостей?

Для ответа мы обратились к «отправной точке», то есть к детству, и проследили траекторию онтогенеза геймеров до формирования самой зависимости. С помощью метода «case study», широко использующегося в психологической и педагогической практике и проявляющего исследовательский потенциал для изучения целостных типажей человеческого поведения из реальной жизни, не по тестовой или «срезовой» методологии, но по тому, как это реально бывает в жизни, нами рассмотрен консультативный случай, который довелось вести с 2015 г. по 2019 г. с последующими контрольными письмами на предмет установления устойчивости результатов терапии [2].

Случай В. Молодой человек 17 лет, условно назовём его В. Он зависим от компьютерных игр. Дебют геймерства пришёлся на 8-ой год его жизни. Отличительные черты его зависимости: инфантилизм, отсутствие друзей, негативный настрой в сторону семейных связей и обязательств, скудный перечень увлечений, агрессия в случае препятствия реализации геймерский мотивов, центральную позицию в его жизни занимали игры.

Рассмотренный нами случай прост и одновременно типичен, особенно, если рассмотреть его ССР [4; 5]. Почему это так важно? Именно от ССР ребенок перенимает не только опыт социализации, совершенствует навыки, развивает ВПФ и т.д., но и от ССР ребенок как губка впитывает манеру поведения, виды реагирования, ситуацию отношения и формирует свои понятия и ценности, которые определяют его жизнь. Более того, нам важно было учитывать и другой факт, описанный Выготским и выделенный в качестве важной онтогенетической закономерности: отношение к среде и ССР у ребенка меняется с возрастом и, как следствие, меняется её влияние на него.

Иначе говоря, меняется ключевое переживание ребенка о жизни в данной среде. Относительно данной теории позднее высказалась Л. И. Божович. По ее мнению, открыв и обозначив «ключевое переживание», Выготский представил отправную точку в анализе развития ребенка, где переживание – это результат влияния внешних и внутренних обстоятельств [1]. Таким образом, мы считаем важнейшим моментом осветить в доказательной части нашей работы роль среды (или её представительницы – ССР, которая будет трансформироваться и меняться в жизни человека, всякий раз «отвечая» переменами на события индивидуальной траектории).

В случае В. переломным моментом, важным травмирующим обстоятельством, которое привело его к зависимости, стала смерть авторитарного отца (в 6,8 лет). После смерти мужа почти весь мир матери В. сгустился на жалости к себе и демонстративной ноше перед знакомыми семьи непосильного груза проблем с детьми, который она использовала, чтобы получать различные блага помощи от родственников, друзей и знакомых.

Часто от неё можно было услышать: «Будет 18, вот пусть и делает, что хочет! Хоть с моста прыгает. А пока я за него отвечаю! Мне будет стыдно людям в глаза смотреть, если что-то не так!». Такая позиция создавала необходимость для В. вести себя «подобающим образом», чтобы не оказаться под гнетом наказаний. Но механизм самого авторитаризма похож на инфантилизм, хотя и сокрытый под агрессией. Мы полагаем, что отец как бы говорил: «Я не знаю, что делать с вами, но вот так я делал много раз, и это действовало. Значит, делаем как я сказал!»

Иначе говоря, сам отец, будучи напуганным тем, что не способен справиться с ситуацией, прибегал к незрелым средствам управления воспитательной ситуацией. То, что он не участвовал в жизни детей, подтверждается отсутствием даже каких-либо отрицательных мыслей и оценок у младшего ребенка. Он на протяжении нескольких лет не только не замечал разницы, но и даже радовался отсутствию отца, что говорит нам о том, что его образ в жизни детей запечатлелся разве что как тень некоего вершителя наказаний. Мы видим в этом слабую отцовскую позицию и прямой инфантилизм (отсутствие хоть как-то обозначенной в ССР ответственности за детей и жену), который привел к инфантилизму детей и отсутствию личностного развития их матери.

За исходный рубеж описания случая мы взяли родительский инфантилизм и воспроизвели причинно-следственную связь событий внутри ССР в онтогенезе В. Авторитарный тип воспитания отца и гиперопекающий тип воспитания матери – два

предвестника становящейся инфантильности ребёнка. Отец не принимал участия в воспитании и жизни ребёнка и от собственного бессилия в попытках повлиять на происходящее непременно скатывался в агрессию и порицания.

Мать предпочитала следить за каждым шагом ребёнка, оберегать его. Потому в три года, когда начался кризис, стремления В. к самостоятельности были наказуемы. Мать практически всё старалась делать за сына, так как времени на объяснение и показ, как надо делать, всегда не хватало. Например, она не могла ждать, пока сын оденется сам, так как уже надо было идти. Таким образом, мальчик научился одеваться самостоятельно только к 6 годам. Шнурки сам он смог завязать только в 14 лет. В. быстро терял интерес к деятельности. Из-за неразорванного симбиоза с матерью часто болел, когда был вынужден посещать детский сад, а далее и школу.

Из-за частых больничных В. нашёл рентный смысл в болезни и стал стремиться к систематическому болению (терял шапку, ел снег и т.д.). Это позволяло ему беспрепятственно играть. Поэтому у В. не было близких друзей. Он не научился играть в компании и не освоил сюжетно-ролевую игру в полной мере, что затруднило его переход к следующей ведущей нормативной деятельности – учебной. Он не был успешен в классе, поэтому не стремился ходить на учёбу. Появление компьютерных игр и интернета не оставило ему возможности приобрести друзей, так как всё его общение с партнерами по играм осуществлялось через интернет.

При вхождении в подростничество при отсутствии нормальной для развития коммуникации, освоения новых обязанностей В. так и не преодолел негативизм. Стал агрессивным. После того, как компьютер перестал быть спасительным кругом, мать стала защищаться от сына, апеллируя к его совести, говоря, что отец бы им не гордился, что ему стыдно за него. Подобные реплики вводили В. в дисфорию и заставляли замыкаться в себе. После чего он совершил попытку демонстративного суицида. Однако, этот поступок спровоцировал ещё больший крен в сторону морального давления со стороны матери, и В. на этом фоне стал «пофигистом». Он днями и ночами сидел в играх и стабильно прогуливал учёбу.

Определим несколько жизненных этапов на траектории личностного развития нашего подопечного, где происходили существенные перемены: изменение отношения ребенка к ССР и смена характера влияния ССР на него.

- До 6 лет – 1-й тип ССР, когда ребенку позволялось всё, пока в доме нет отца.

- С 7 лет – 2-й тип ССР, когда после смерти отца и поступления в школу ребенок приобрел новые обязанности. Мать больше не могла обеспечивать ему тот же уровень внимания и заботы, поэтому менялось его отношение и место в ССР: он становился плаксивым и часто болел.
- С 8 лет – сломанная рука вернула его в 1-ый тип ССР, где мать взамен своей опеки дала мальчику компьютер, чтобы его занять.
- С 10 лет – 3-й тип ССР. Старшая сестра, по всей видимости, еще переживала подростковый кризис и передала брату через систему коммуникативных паттернов средство установления личностных границ – агрессию.
- С 11 до 12 лет – 4-й тип ССР, когда мать давила на его совесть, выставляя его «плохим», «недостойным», чернила его в глазах отца. В. вспоминал, что ему не хватало отца и начал переживать отсроченное горе по отцу, замыкаясь в себе.
- С 12 и далее – 5-й тип ССР, которую мы можем именовать как «враждебную». Среда, в которой В. себя чувствовал лишним, врагом, нелюбимым, брошенным, и в результате оформился как истинный инфантил.

Почем же мы так уверенно говорим об инфантилизме? Что это за состояние, и какие симптомы имеет? Термин «инфантилизм» был введен Е. Lasegue в 1864 г. и был нацелен на обозначение относительно равномерной задержки темпа психического и физического развития человека. Однако за десятилетия изменилось содержание жизни, трансформировались основные ориентиры эффективности и успешности личности, поэтому инфантилизмом начинают маркироваться множественные качественные изменения личностно-смысловой сферы деятельности человека.

Под предлогом расширения института детства становятся привычными и как будто временными необязательность, лживость, лицемерие, манипулирование, некритичность. Личность буквально «уплощается» – деградирует, а воспитательная система пытается настаивать, что все это временно, пройдет. Однако зачастую ничего не проходит, что приводит к появлению и закреплению в структуре личности установок, определяющих различные аспекты поведения:

- установки на быстрое удовлетворение потребностей при малых затратах (трудовых, моральных, финансовых);
- бедность ценностных ориентаций;
- установки на пассивные способы защиты при трудностях;

- установка на избегание ответственности за совершаемые поступки;
- установки на малую опосредствованность деятельности;

Все эти личностные особенности характеризуют инфантильную личность, где инфантилизм – это незрелость в развитии [1].

Подростковый возраст понимается как особый период онтогенетического развития человека, некоторая переходная стадия между детством и взрослостью. Д. Б. Эльконин выделял подростковый возраст как крупный период развития личности с 11 до 17 лет. По мнению автора, этот период характеризуется сменой ведущих деятельностей (младший подростковый возраст (11-14 лет) – интимно-личностное общение; и старший подростковый возраст (15-17 лет) – учебно-профессиональная деятельность). Каждый из периодов характеризуется своим кризисом. Кризис 15 лет – начало формирования и проявления эго-идентичности, где главным личностным новообразованием становится способность к рефлексии и к осознанию собственной индивидуальности. Кризис 17 лет – вступление в юношество, где новообразованием служит формирование личностного мировоззрения и профессиональное самоопределение [15].

Границы подросткового возраста не устанавливаются четко. Несмотря на то, что Эльконин и Выготский рассматривали подростковый возраст как стабильный, в большинстве случаев мы наблюдаем картину бурную, беспокойную [4; 15]. Подросток от негативизма и отрицания доходит до полного морального дистанцирования с родителями. Как показывают наши исследования, подходя к данному возрасту, игроман уже имеет опыт пребывания в игре [7; 14]. Это означает, что погружение в виртуальный мир приходится в основном на младший подростковый возраст. Тот самый, когда нужно делать первые шаги во взрослый мир.

То есть, подростничество – возраст преодоления детско-родительских штампов в отношениях, период «бури и натиска», когда должен происходить выход из симбиоза, инициация, первый любовный контакт с противоположным полом и др. Игроман проводит это время у компьютера и, в лучшем случае, имеет лишь виртуальный образ этих жизненно важных ориентиров. В дальнейшем отсутствие тех или иных форм отношений, жизненного опыта создает сильнейший пробел в его системе жизненных ориентиров. Первый поцелуй, первая прогулка с девушкой, первое свидание, первые заработанные деньги на подарок другому человеку. Все то, что идет обычным чередом при нормальном развитии, замирает, свертывается при инфантилизме.

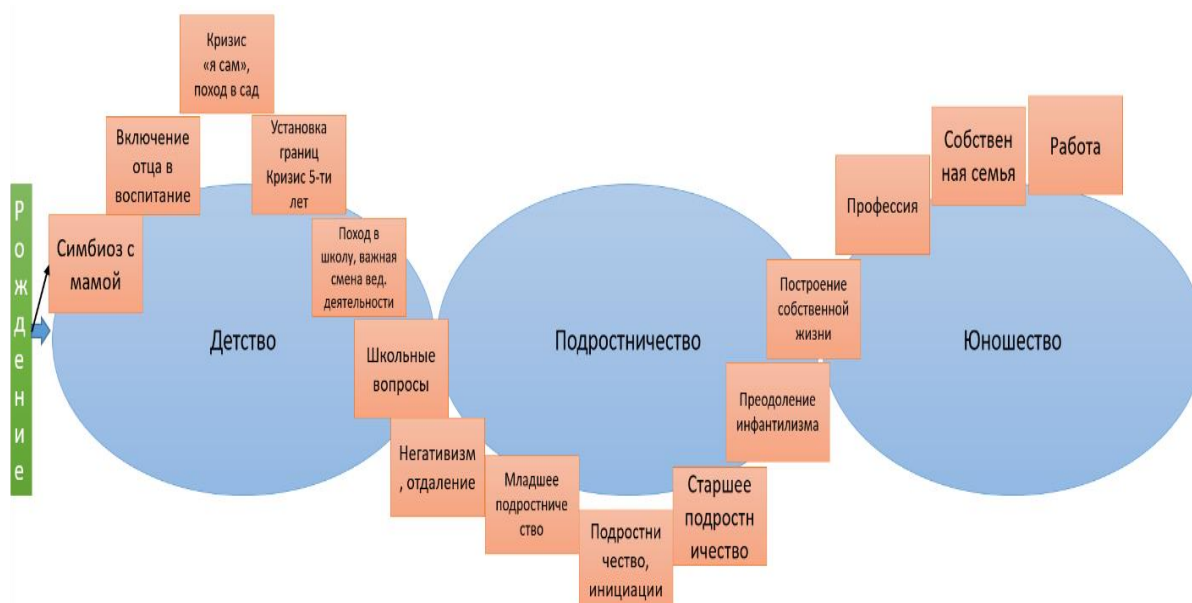
То, что значимый дебют гэмблинга приходится на младший подростковый возраст связано, во-первых, со структурой современного подросткового кризиса. Во-вторых, с устройством семей, в которых проживают эти дети и взрослые. Когда мы видим инфантилизм, то уже предполагаем, что родители не включают детей в структуру семьи и ее жизнь по многим причинам. Зачастую они сами, не будучи в силах построить бесконфликтные, уважительные, с доминированием любви и взаимной заинтересованности отношения, стыдятся, сторонятся этой жизни, поэтому специально закрывают ее от детей, так как нечем гордиться. В результате подросток оказывается полностью изолирован от этого важнейшего жизненного окружения и опыта его отношений и начинает свое самостоятельное движение [14].

Ещё одним доказательством инфантильности личности геймера является его ведущая деятельность. Понятие «ведущая деятельность» активно использовал А. Н. Леонтьев, имея в виду деятельность, определяющую появление психических новообразований. Основными сущностными моментами ВД являются:

1. взаимоотношения ребенка со взрослыми;
2. окружающая среда, осуществляющая функцию развития на данном этапе периодизации;
3. психологическое состояние и изменения в личности ребенка;
4. развитие ВПФ под воздействием ВД.

В свою очередь, Эльконин ввел характеристику ВД при описании каждого возрастного этапа своей периодизации онтогенеза. Согласно Эльконину, периодизация принимает следующий вид: младенчество (от 2 мес. до 12 мес), ранний возраст (1-3 лет), дошкольный возраст (3-7 лет), младший школьный возраст (7-11 лет). Существуют споры о том, какая ВД свойственна молодому человеку в подростковом возрасте. Эльконин считал, что подростковый возраст содержит в себе 2 основные ветви: младшее подростничество (12-15 лет) и старшее подростничество (15-17 лет).

Рисунок 1. Идеальная схема развития

Изучив консультативным методом характеристики развития нашего подопечного, периодизацию, альтернативные варианты развития, мы можем прийти к выводу, что компьютерные игры не могут быть актуальной ВД для подростка. А ведь В. уделял им всё свое время, сделал главным интересом своей жизни, поставил их на высшую ступень иерархии ценностей, жертвовал ради них базовыми потребностями и социальными обязательствами. Чем же это не ВД? Если мы обратимся к периодизации, то увидим, что ВД – игра, которая свойственна дошкольному возрасту (3-7 лет). Следовательно, ВД у геймера не соответствует его актуальному возрасту, сдерживает, ограничивает его развитие, обращает вспять или направляет по патологическому пути. Таким образом, мы видим в случае В. полную картину формирования зависимости, которую мы можем отобразить на схеме траектории онтогенеза.

Для более детального рассмотрения вопроса траектории нами была построена и вынесена в первую очередь идеальная (чистая) модель, в которой отображены основные моменты онтогенеза.

Схема развития подопечного В.:

По схемам видно, что любое нарушение в траектории грозит последствиями. Также, можно отметить основополагающее значение роли ССР в становлении человека. В приведенном случае «базовым» дефектом оказалось нарушение контакта с родителями, что в дальнейшем привело к формированию такой индивидуальной траектории развития, где игровая зависимость оказалась приемлемой, социально одобряемой формой бытия

инфантильной личности. В схеме развития и в изложенном выше анамнезе личностная траектория наглядно демонстрирует влияние ССР и приоритетов подопечного на становление его личности.

Рисунок 2. Индивидуальная схема развития

Инфантильное бытие игромана – это результат невключенности в семейные отношения. Геймер не проходил тех правильных инициаций, которые присутствуют в культуре, в которой он живет, не знакомился с содержанием отношений отца и матери, матери и бабушки и др. Близкие люди продолжали оставаться для него замершими внешними фигурами управления его поведением или внешними источниками экономического благосостояния, не более. При таких поверхностных и формальных отношениях с близкими школа становилась лишь проходным социальным институтом, в котором он не более чем отбывал учебное время. В целом, в процессе обозначенного нами патогенеза у игромана формируется представление о жизни как о примитивной игре, в которую не интересно играть, где нужно постоянно преодолевать себя, а персонажи (социальные роли) не притягивают настолько, чтобы отказаться от другого, альтернативного, виртуального мира.

Библиографический список:

1. Божович Л. И. «Значащие переживания» как предмет психологии / Л. И. Божович, М. С. Неймарк // Вопросы психологии. 1972. № 1. С. 130-134.
2. Бусыгина Н. П. Научный статус методологии исследования случаев // Московский психотерапевтический журнал (Консультативная психология и психотерапия). 2009. №1. С. 9-34.
3. Войскунский А. Е. Феномен зависимости от интернета // Гуманитарные исследования в интернете / под ред. А. Е. Войскунского. М.: Наука, 2000. С. 100–131.
4. Выготский Л. С. Педология подростка : в 3 т. М. : Изд-во БЗО 2 МГУ, 1929–1931. 3 т. 504 с.
5. Выготский Л. С. Мышление и речь // Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с.
6. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975 304 с.
7. Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021» / Отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, Е. И. Зимакова. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2021. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. 2000 экз.
8. Мещеряков Б. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. 672 с.
9. Пиаже Ж. Моральное суждение у ребенка. М.: Академический проект, 2006. 480 с.
10. Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб.: «Питер», 2003. 192 с.
11. Преображение. Психологическое эссе о работе Центра по реабилитации наркоманов и токсикоманов г. Нижневартовска / под ред. М. Н. Муфтахетдинова, В. Б. Хозиева. 2-е изд., испр. и расшир. М. ; Нижневартовск, 2004. 160 с.
12. Психологические условия реабилитации наркоманов: опыт исследовательской реконструкции / под ред. М. Н. Муфтахетдинова, В. Б. Хозиева. М.; Нижневартовск, 2004. 160 с.
13. Хозиев В. Б. К вопросу о месте консультативного метода исследования в грядущей парадигме психологии // Методология и история психологии. 2007. №1 (2). С. 190–206.

14. Хозиев В. Б. Гэмблинг и патогенез личности в виртуальном сетевом пространстве / В. Б. Хозиев, А. В. Ляскович // Материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2019 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 195–207.

15. Эльконин Д. Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте. // Вопросы психологии, 1971. № 4. С. 6-20.

Lyaskovich A.V. The trajectory of the gamer's ontogenesis

The article examines some aspects of the pathogenesis of a gambler's personality on the example of one consultative case, and also examines the personal trajectory and prerequisites for pathogenesis in the form of gambling addiction.

Keywords: addiction, gambling addiction, Internet addiction, ontogenesis, pathogenesis of personality, infantilism, consultative case, social situation of development.

УДК 316

О. А. Суровая

**Управление интеллектуальной собственностью в условиях пандемии:
коммуникативный аспект**

Аннотация:

Статья посвящена исследованию подходов, методов и форматов организации коммуникации в условиях пандемии коронавирусной инфекции. Показано влияние пандемии на профессиональные коммуникации людей и повседневность, а также на бизнес и управление интеллектуальной собственностью в контексте инновационных нововведений, произошедших во всем мире. Анализируются кардинальные изменения парадигмы коммуникативного взаимодействия в свете перехода на цифровой формат жизни общества. Появление новых форматов взаимодействия в виртуальной среде обусловило новую стратегию формирования коммуникации, что в значительной степени отразилось на появлении новых механизмов управления интеллектуальной собственностью.

Ключевые слова: социальная коммуникация, пандемия, онлайн-коммуникация, управление интеллектуальной собственностью, цифровизация, цифровые компетенции.

Об авторе: Суровая Олеся Александровна, МГТУ им. Н.Э. Баумана, магистрант кафедры «Безопасность в цифровом мире» факультета «Стратегическое управление интеллектуальной собственностью»; эл. почта: alex-soa88@mail.ru

Глобальная ситуация, связанная с пандемией COVID-19, затронула все сферы человеческой деятельности, включая интересующий нас аспект интеллектуальной собственности. Кардинальные изменения в период пандемии претерпели и парадигмы коммуникативного взаимодействия в целом и общение между людьми в частности. В ответ на кризис и неопределенность государственные структуры и компании были вынуждены адаптировать и реструктурировать корпоративные цели и стратегии, переходить на иной формат организации коммуникаций.

Новые ограничения коснулись и повседневного общения с друзьями и родственниками, и делового. Обновленные требования вызвали смену парадигмы коммуникации, породив такие понятия как «социальная дистанция» и «самоизоляция». Заметно усилился акцент на личном пространстве, а телекоммуникации стали свидетелями огромного роста [11]. Вся деловая (профессиональная) бизнес-коммуникация, рабочие контакты, конференции и образовательные мероприятия, научные кружки, официальные мероприятия перешли к виртуальному общению. Даже личные встречи, романтические свидания, вечеринки стали проводиться с использованием дистанционных технологий. Интернет-коммуникация становится не просто площадкой для выражения личных потребностей людей в общении и получении информации, но и способом выражения гражданских прав и свобод в рамках социально-политических процессов. Появились новые формы поддержки различных гражданских инициатив в социальных сетях и на краудсорсинговых площадках [3, с. 47].

Трансформация парадигмы коммуникативного взаимодействия в свете перехода на цифровой формат жизни общества обусловило новую стратегию формирования коммуникации, играющей ключевую роль в жизни общества [5, с. 151]. Появились в новой коммуникативной среде и новые вопросы, связанные с интеллектуальной собственностью, и новые механизмы управления ею.

Пандемийный эффект коммуникации

Начиная с марта 2020 г. пандемия коронавирусной инфекции знаменовала новую веху в развитии социальных коммуникаций: все общение сместилось в цифровой формат.

Так, согласно отчёту о состоянии цифровой сферы Global Digital 2021, приведенному We Are Social и Hootsuite, число пользователей социальных сетей за последний год увеличилось более чем на 13 %. К началу 2021 г. в социальных сетях зарегистрировалось почти полмиллиарда новых пользователей. При этом старшие возрастные группы оказались самыми быстрорастущими сегментами в аудиториях крупнейших платформ. Например, в Facebook количество пользователей старше 65 лет за год увеличилось примерно на 25 % — почти вдвое больше, чем среднее значение, которое равно 13%. Одной из примечательных тенденций 2020 г. стало усиление электронной коммерции: почти 77 % пользователей интернета со всего мира в возрасте от 16 до 64 лет делают ежемесячные покупки онлайн [12].

Увеличилась аудитория развлечений: онлайн-кинотеатров и видео-ресурсов, развлекательных ресурсов, книг, а также гидов, путеводителей и афиш. Из новшеств,

вошедших в жизнь в период карантина, по-прежнему востребованными остаются видеоконференции и видеозвонки (Zoom, Skype, Google meet). Особенно это актуально для научной, учебной и бизнес-коммуникации, в том числе, в связи с переходом сотрудников на удаленный формат работы.

Социальная коммуникация, обретая онлайн доминанту, актуализирует понятие «цифровая культура» как нового аспекта человеческой жизни, который с уровня маргинального выходит на уровень повседневный. В сознании людей интернет теперь выступает не только как средство коммуникации, а как новая модель социума, не ограниченная физическим пространством [2, с. 70]. Потери этого переустройства – лишение опосредованной коммуникации эмоциональной составляющей, тактильных ощущений – коммуниканты стараются компенсировать аудиовизуальными средствами (фотоколлажи, аудио и видеофайлы, презентации, эмодзи). Вопрос, будет ли этого достаточно для комфортного и успешного общения, остается открытым [4, с. 135].

Новая ситуация выявила и недостаток компетенций – знаний и навыков, необходимых для адекватного применения современных онлайн-средств и платформ, а также заново поставила вопрос о системе ценностей, установок, норм и правил поведения в цифровой среде. Со всей очевидностью обнаружила себя и проблема интеллектуальной собственности, создаваемой и используемой в цифровой реальности. Достаточно, в качестве примера, заглянуть на страницу Федерального проекта «Цифровая культура», задачей которого постулируется «широкое внедрение цифровых технологий в культурное пространство страны», чтобы убедиться в том, что любой шаг в этом направлении должен быть обеспечен соответствующим правовым регламентом, учитывающим особенности цифровых технологий¹.

Влияние пандемии на управление интеллектуальной собственностью

Пандемия создала дополнительные трудности в сфере охраны и защиты интеллектуальной собственности (ИС). Новые контуры управления ИС потребовали более глубокого изучения экономической значимости объектов ИС и ее переоценки в связи с переходом на дистанционный формат. Потребовалось одновременное решение двух основных задач: с одной стороны, защиты интеллектуальной собственности, а, с другой стороны – обеспечение ее доступности для потребителей. Возникла необходимость

¹ Федеральный проект «Цифровая культура» // Министерство культуры Российской Федерации. Режим доступа: <https://culture.gov.ru/about/national-project/digital-culture/> (дата обращения 15.02.2022).

скорейшей разработки цифровых платформ регистрации, а также распределенных баз данных о зарегистрированных правах на интеллектуальную собственность [8, с. 123], что обеспечило бы безопасный информационный обмен между потребителями – участниками рынка.

Кроме того, пандемия внесла коррективы и в общественное мнение по безвозмездному использованию чужих прав на ИС, защищенных патентом, что в определенной мере меняет стандартное понимание защиты интеллектуальных прав в рамках общественного блага. В обычных обстоятельствах правообладателям ИС предоставляется защита от использования третьими лицами, но пандемия создала беспрецедентную ситуацию, когда владельцы прав на ИС вынужденно, пусть и временно, должны разрешать третьим лицам использовать их патенты или промышленные образцы, в целях общественного интереса и здоровья людей [11].

Так, кризис COVID-19 сформировал потребность в производстве нового технологичного оборудования и предметов медицинского назначения. Компании, создающие медицинское оборудование и препараты, стали производить конкурентные товары, необходимые для борьбы с новой коронавирусной инфекцией, тратя на их производство большие средства, и выводить на рынок, надеясь получить выгоду от вложенных в создание ИС времени и денег [9]. В это время законодатели многих стран прибегли к мерам, обеспечивающим достаточный запас предметов медицинского назначения, необходимых для борьбы с COVID-19 – разрешение использования, производства и продажи изобретений без разрешения владельца патента или заявки на патент [10] со справедливым вознаграждением правообладателей.

В технологических областях такие действия включают лицензионные соглашения, публикацию научной информации для свободного использования, а также публикацию спецификаций на жизненно важное оборудование, например, аппараты искусственной вентиляции легких, с тем, чтобы другие предприятия могли их производить. Такие нововведения, конечно же, имеют благую цель, но тем не менее, для правообладателя это не только колоссальные убытки, но и снижение мотивации к изобретательской активности в будущем.

Однако основным плюсом в данной ситуации выступает фактор инновационного научно-технического прогресса всего общества, так как раскрытие информации порождает развитие и усовершенствование новейших разработок, которые выступают движущей силой мировой экономики, усиливая значения и ценности ИС.

В области авторского права в системах управления ИС законодателем предусмотрены некоторые ограничения, которые позволяют получать свободный доступ к авторскому контенту (книгам, публикациям и другим результатам творческой деятельности). Такие исключения преследуют цель распространения данных, информации и знаний, которые могут иметь жизненно важное значение для инноваций или же для решения проблем, связанных с ограничениями передвижения и мерами строгой изоляции, необходимость которых диктуется кризисом [13].

Подводя итог, можно сказать, что актуальные тенденции, развивающиеся в связи с пандемией COVID-19, обусловили для правообладателей ИС как плюсы, так и минусы. Для одних — это убытки и пересмотр стратегических планов, для других — новые возможности для дальнейшего развития. Основные параметры управления ИС компаний в контексте пандемии сдвинулись в сторону необходимости пересмотра инструментария и методов оценки ИС, связанной с их будущей стоимостью в условиях нестабильного рынка, потребительского спроса, а также меняющейся законодательной системой в области охраны и защиты ИС.

В современном мире коммуникация стала более сложным процессом, чем раньше. В условиях пандемии она перенеслась на пару лет вперед, если исходить из появившихся и уже так тесно вошедших в повседневную жизнь новых «цифровых привычек». Это развитие и совершенствование новых каналов передачи информации — использование онлайн-коммуникации, цифровых сервисов, интернет-покупок и онлайн-развлечений, чат-ботов и голосовых ассистентов. В бизнес-индустрии коммуникации приобрели все большую автоматизацию, превращающую рутинные задачи и бизнес-процессы в новый формат реализации идей, экономя тем самым время и ресурсы, в том числе человеческие. Гибкость рабочего процесса при работе удаленно, на наш взгляд, останется неотъемлемой частью трудовой жизни многих людей, поэтому в обозримом будущем можно ожидать появления новых продуктов и услуг, которые призваны помочь организовать удалённую работу, особенно по части общения и повышения «сплоченности команды».

Технологические инновации в сфере коммуникаций, несомненно, ведут к улучшению жизни людей и упрощению процессов взаимодействия между ними, но с этим возрастают и риски возникновения негативного влияния новых инфо-возможностей на социальные коммуникации и совмещение реального и виртуального пространств жизнедеятельности и поведения людей, а следовательно, потребуют нового взгляда на правовое пространство интеллектуальной собственности [1, с. 9].

Библиографический список:

1. Багдасарьян Н. Г. Онлайн-образование в региональном вузе до и после пандемии: мотивы, проблемы, потенциал / Н. Г. Багдасарьян, Н. Е. Мельникова, Т. В. Балугева // *Primo Aspectu*. 2021. №1 (45). С. 7-26.
2. Багдасарьян Н. Г. Цифровое поведение личности в интернет-коммуникациях: культура и риски / Н. Г. Багдасарьян, А. П. Ромашкина // *Вестник государственного университета «Дубна». Серия: Науки о человеке и обществе*. 2021. №1. С. 61-72.
3. Башева О. А. Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации // *Научный результат. Социология и управление*. 2020. № 6(1). С. 41-57.
4. Глазкова Т. Ю. Использование языковых средств в онлайн-коммуникации в эпоху пандемии // *Сервис plus*. 2021. Т. 15. № 2. С. 133-136.
5. Кузнецов А. А. Коммуникация в дистанционном формате: эволюция устной и письменной коммуникации с иностранными студентами в условиях пандемии // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2021. № 201. С. 151-157.
6. Розенберг Н. В. Повседневная коммуникация в современной культуре: социальные проблемы // *Аналитика культурологии*. 2007. №8. С. 343-346.
7. Романова Ю. А. Трансформация моделей управления интеллектуальной собственностью высокотехнологичных компаний в условиях санкций и пандемии COVID-19 / Ю. А. Романова, А. Д. Кокурина // *Проблемы рыночной экономики*. 2021. № 1. С. 120-130.
8. Gubby H. Is the Patent System a Barrier to Inclusive Prosperity? The Biomedical Perspective // *Global Policy*. 2020. Vol. 11. №1. Pp. 46-55.
9. Klint Finley, «Global Officials Call for Free Access to Covid-19 Research» [Электронный ресурс] // *WIRED*. Режим доступа: <https://www.wired.com/story/global-officials-call-free-access-covid-19-research/> (дата обращения: 15.05.2022).
10. Matt Apuzzo and David D. Kirkpatrick, «Covid-19 Changed How the World Does Science, Together» [Электронный ресурс] // *The New York Times*. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2020/04/01/world/europe/coronavirus-science-research-cooperation.html> (дата обращения: 15.05.2022).
11. Mheidly N. Effect of Face Masks on Interpersonal Communication During the COVID-19 Pandemic / N. Mheidly, M. Y Fares, H Zalzale, J. Fares [Электронный ресурс] //

Front. Public Health. 2020. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/346773168_Effect_of_Face_Masks_on_Interpersonal_Communication_During_the_COVID-19_Pandemic (дата обращения: 15.05.2022).

12. Digital 2021: Global Overview Report [Электронный ресурс] // DataReportal. Режим доступа: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-global-overview-report> (дата обращения: 15.05.2022).

13. Francis Gurry. Some Considerations on Intellectual Property, Innovation, Access and COVID-19 [Электронный ресурс] // Всемирная организация интеллектуальной собственности. Режим доступа: https://www.wipo.int/about-wipo/ru/dg_gurry/news/2020/news_0025.html (дата обращения: 15.05.2022).

Surovaya O.A. Intellectual Property Management under Pandemic Conditions: Communication Aspect

The article is devoted to the study of approaches, methods and formats of communication organization under the conditions of pandemic coronavirus infection. It shows the impact of the pandemic on professional communications and people's everyday life, as well as on business and intellectual property management in the context of innovative innovations that have taken place all over the world. The article analyzes the dramatic changes in the paradigm of communicative interaction in the light of society's transition to digital format. The emergence of new formats of interaction in a virtual environment has led to a new strategy for the formation of communication, which is largely reflected in the appearance of new mechanisms of intellectual property management.

Keywords: social communication, pandemic, online communication, intellectual property management, digitalization, digital competences